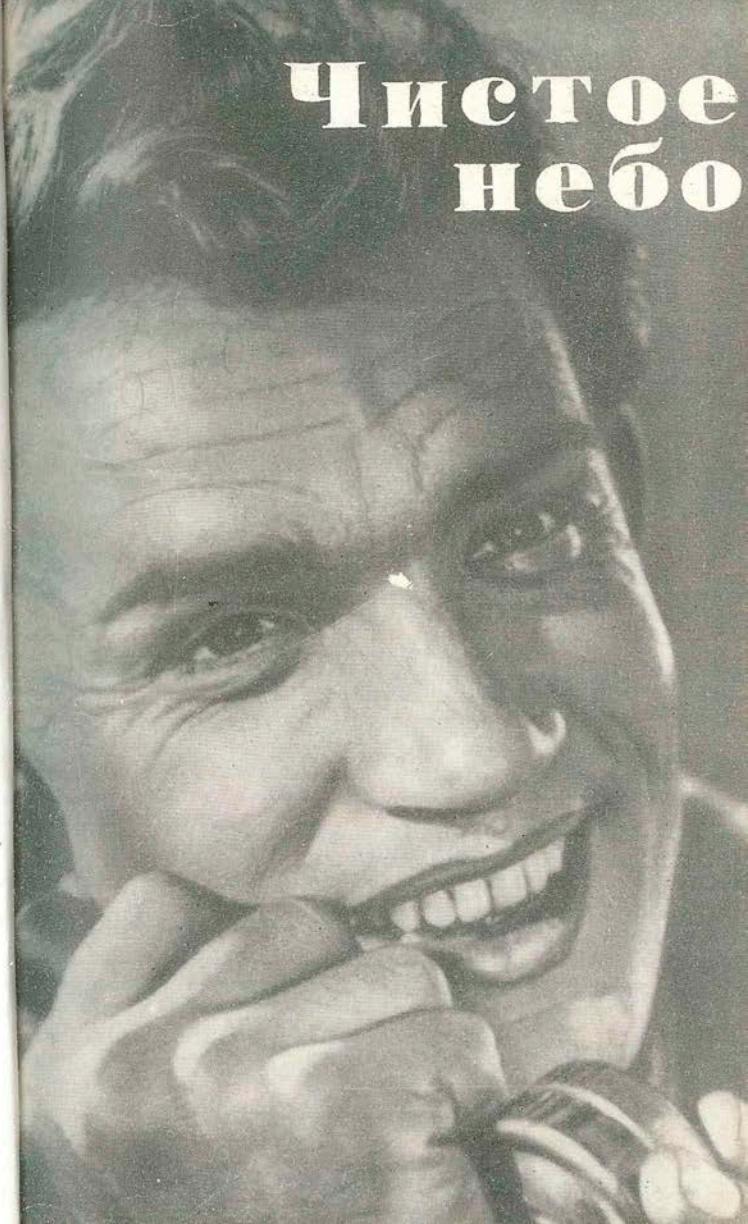

Чистое
небо

Даниил Яковлевич Храбровицкий, окончив десятилетку в Тбилиси, шестнадцатилетним пареньком приехал в Москву и поступил в Литературный институт. Но учебу прервала война.

Всю войну — с первого до последнего дня — он провел в армии. Демобилизовавшись в 1945 году, Храбровицкий начал работать в газете — сначала в «Пионерской правде», потом сотрудничал в «Комсомольской правде» и в «Огоньке».

Одновременно с работой журналиста Храбровицкий пробовал свои силы и в драматургии.

Когда Д. Храбровицкий пришел в сценарную мастерскую Е. Габриловича, им уже было написано несколько пьес. Одна из его пьес — «Гражданин Франции» — стала наиболее популярной и шла не только во многих театрах страны, но и за ее пределами.

За время учебы в мастерской им был написан сценарий «Четверо», по которому режиссер В. Ордынский поставил фильм того же названия.

Перу талантливого сценариста принадлежат также сценарии широкизвестных, полюбившихся зрителям фильмов «Исправленному верить», «Все начинается с дороги», «Девять дней одного года» (написан в творческом содружестве с режиссером М. И. Роммом).

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

ЧИСТОЕ НЕБО

Кинороман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»
МОСКВА 1963

О Т А В Т О Р А

«Чистое небо» было задумано как кино-повествование о моих сверстниках — людях, родившихся в 1923 году, юность которых перечеркнула война.

Поначалу все это мыслилось как частная история девочки и ее любви. Хотелось проследить путь, который пройдет она от нескладного подростка с весьма романтичными представлениями о жизни до взрослой женщины, матери и вдовы. Как она встретится со своей соперницей, имя которой «война», как познает горечь утраты и тоску одиночества, как постепенно из «гадкого утёнка» вырастет лебедь. Это мыслилось как гимн верности и нравственной чистоте человека.

В процессе работы рамки повествования невольно расширились, захватив судьбы и других людей, с которыми столкнулась в жизни герояня. Сценарий получился своего рода размышлением о природе человеческого счастья.

Собственно, и фильм «Чистое небо», существенно отличающийся в своей заключительной трети от первых вариантов сценария, также является размышлением над природой счастья. В самом главном мы остались верны первоисточнику. И все же различие между первым и окончательным вариантом сценария, как я уже сказал, — существенно.

Когда фильм уже находился в производстве и постановщик картины Г. Н. Чухрай закончил съемки зимней натуры, вдруг возник закономерный вопрос: а достаточно ли мы честны и откровенны в своем рассказе о времени, которое охватывает действие нашего фильма? Не сглаживаем ли мы острые углы?

Нужно сказать, что согласно первоначальному замыслу в сценарии уделялось особое внимание анализу личных взаимоотношений героев и не очень-то акцентировались те условия, в которые помимо своей воли герои были поставлены. Я имею в виду послевоенный период нашей действительности, характерный грубым попранием социалистической законности и иными явлениями, связанными с культом личности Сталина.

Художник не вправе убирать с дороги своих героев препятствия, о которые они могут споткнуться. Коль скоро ты уж касаешься времени, рассказывай обо всем так, как оно было. Это твой долг.

Первоначально герой фильма Алексей Астахов, прийдя из плена, возвращался к своей прежней работе летчика-испытателя, и трудности, вставшие перед ним, не имели ни-

чего общего с теми трудностями, с которыми столкнулись сотни тысяч Астаховых в действительной жизни...

Но, поразмыслив, мы поступили так, как подсказывала нам наша совесть. К сожалению, это решение пришло с опозданием, когда картина уже находилась в производстве. Останавливать работу всей съемочной группы и ждать, пока будет переделан сценарий, мы не могли. Писать новые сцены пришлось прямо на ходу, зачастую накануне дня съемки. Позволю себе заметить, что это не самый эффективный метод работы, и мне бы никогда впредь не хотелось пользоваться им. Но здесь виноват был я сам, и иного выхода не было!

Так или иначе, новые сцены родились на бумаге, а затем и на пленке. Но, очевидно, далеко не случайно сначала пишется сценарий, а потом уже по нему снимают фильм. Совмещение двух несовместимых процессов не могло не отразиться на фильме в целом. Расположив весь снятый материал в сюжетной последовательности, мы с горечью убедились, что картина получается чуть ли не в полтора раза длиннее, чем предполагалось. Чтобы как-то спасти положение, мы стали вынимать из нее целые куски, иначе говоря, резать ее «по живому...». Отсюда и получилась та кинокомпозиционная нестройность, рваность и фрагментарность, в которых упрекают нас критики, разбирающие «Чистое небо».

Мы пошли на это сознательно. Нам важно было донести до зрителей нашу основную мысль.

Потому-то я долго и не мог решить для себя: следует ли публиковать литературный сценарий? Печатать его в том виде, в каком он существует в фильме, просто не имело смысла — нельзя же вырезать ножницами десятки страниц только из-за того, что этих эпизодов нет в картине! А опубликованный в своем, так сказать, первозданном виде, он может вызвать ряд ненужных, как мне казалось, сопоставлений, недоумений и вопросов.

И все же, несмотря на раздирающие меня сомнения, я в конце концов решился опубликовать его в том виде, в каком он окончательно у меня сложился — без всяких купюр и сокращений. Ибо, по-моему, ошибочно представление, что сценарий является лишь черной заготовкой для фильма. (Некоторые вежливо называют это «первоосновой», что в сущности одно и то же.)

Я скорее поддерживаю тех, кто утверждает за сценарием право считаться законным сыном литературы (а не обременительным подкидышем, с которым неизвестно что делать). Более того, я полагаю, что сценарии могут существовать и независимо от фильма. Их можно просто читать, и иногда это бывает даже интересно.

Вот, собственно, и все, что, мне казалось, следовало сообщить в авторском комментарии.

Д. Храбровицкий

Раннее утро. Пересеченное бетонированными полосами поле аэродрома.

На этом фоне, чередуясь с короткими кадрами подготовки к полету, идут вступительные титры.

...Реактивный истребитель со стреловидными крыльями стоит на бетонированной площадке. Его в последний раз осматривают механики.

...Ведущий инженер испытаний говорит в микрофон:

— Через каждые пять минут до момента взлета передавать скорость и направление ветра.

...Диспетчерская вышка.

Девушка переводит рычажок селектора.

— Через каждые пять минут до момента взлета передавать скорость и направление ветра.

...Кабина самолета. Глубоко в пилотском кресле, опираясь на парашют, сидит летчик.

— Подключайтесь к системе кислородного питания, — слышится в наушниках шлемофона.

Летчик надевает маску.

— Система в порядке, — говорит он.

...Ведущий инженер у микрофона.

— Высыпайте самолет-наблюдатель для проверки турболетности воздуха в диапазонах высот пикирования.

Диспетчерская вышка.

— Самолет-наблюдатель вылетает, — говорит диспетчер.

Кабина самолета.

— Я готов, — говорит летчик. — Разрешите запустить двигатель?

Механики отбегают в сторону. Слышится тонкий высокий звук «и-и-и-», который постепенно переходит в рев.

Из-под самолета вырываются мощная струя пламени. Самолет начинает выбиривать.

С каждой секундой рев двигателя нарастает.

...Ведущий инженер говорит в микрофон:

— Пожарные и санитарная машины понадобятся через десять минут.

Диспетчерская вышка.

— Пожарные и санитарная машины будут через десять минут.

...Поле аэродрома. Несутся две красные пожарные машины и карета «Скорой помощи».

...Диспетчерская вышка. Диспетчер говорит в микрофон:

— Самолет два четыре семь, вам разрешен взлет с полосы номер один три. Ветер север-запад, двадцать шесть километров в час, давление семьсот шестьдесят миллиметров...

По бетонированной дорожке со все возрастающей скоростью несется реактивный истребитель. Колеса его отрываются от земли...

Теперь мы видим аэродром с точки зрения летчика. По мере того как самолет набирает высоту, расширяются границы горизонта.

Вот в поле зрения входит березовая рощица за аэродромом и прямая лента шоссе.

По шоссе несетя «Победа». Машина останавливается. Рядом с ней появляется крохотная женская фигурка.

Шоссе. Возле машины стоит женщина. Она смотрит вслед самолету.

Из машины выскакивает юноша-шофер.

— Что, знакомый? — спрашивает он.

— Знакомый... — одними губами отвечает женщина.

Взгляд ее задумчив, он устремлен на дорогу.

И вот по этой дороге, навстречу ей, откуда-то из очень далекого прошлого бежит девочка...

...Девочка бежала по улице. Ей было лет пятнадцать, не больше...

Улица ровная и прямая, как стрела, терялась где-то вдали в сплошном снежном мареве. Покрытые белым инеем, поблескивали стены домов, с крыши свисали сосульки.

Справа и слева, словно костры, полыхали освещенные окна. Оттуда доносились обрывки музыки, чей-то смех, звон бокалов.

На перекрестке одинокий регулировщик, сунув под мышку свой жезл, стучал о звонкий асфальт основательно промерзшими волenkами.

Девочка завернула за угол и замедлила шаг. На ней было коричневое пальтишко, из которого она уже успела вырасти.

За углом у автобусной остановки стояла телефонная будка. Ветер раскачивал раскрытую дверь, и при каждом его порыве жалобно скрипели ржавые петли.

Уже совсем медленно девочка подошла к остановке и заметила еще одну фигуру. Это была девушка лет двадцати, миловидная и даже красивая. Она приплясывала на месте, окоченев от мороза.

— Люсь, — позвала девочка.

Девушка отделилась от стены.

— Ты зачем пришла?

— На, — девочка протянула ей пуховый платок, — а то простудишься.

— Спасибо, — сказала Люся, — а теперь ступай.

Но девочка продолжала стоять, переминаясь с ноги на ногу.

Подошел почти пустой автобус и, не высадив никого, двинулся дальше.

— Если бы я была такая высокая и красива, как ты!.. — мечтательно произнесла девочка.

— Ничего, Сашок, ты еще вырастешь, — сказала Люся и улыбнулась.

— Да... но я некрасивая... — Она немного помедлила, и вдруг глазки ее сузились и все лицо приняло хитроватое выражение. — Люсь, а Люсь, — таинственно спросила она, — а вы уже целовались?

— Не твое дело! — отрезала Люся. — Всюду суешь свой нос. Вот вернется отец, уж я расскажу... просто совсем отбилась от рук... И про двойку по физике, про все... увидишь!

— Рассказывай, рассказывай, — согласилась девочка. — А я скажу, что ты сама вешаешься ему на шею.

— Саша!

— Что? — с невинным видом спросила девочка.

В этот момент где-то далеко на площади стали бить городские часы.

— Три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять... одиннадцать... двенадцать! — вслух отсчитала Саша. — Поздравляю. — Она церемонно раскланялась перед сестрой. — Вот вам и Новый год!

Люся не ответила. Еще раз огляделась по сторонам, она сказала тихо:

— Ладно, пойдем.

Они пошли медленно и молча. Завернув за угол, Люся остановилась.

— Подожди. Я сейчас.

Бегом возвратилась к телефонной будке и стала поспешно царапать ногтем по замерзшему стеклу:

«Ушла, не дождавшись. Адрес:

Гоголя, 12, кв. 3. Л.».

Ветер раскачивал дверь. Скрипели ржавые петли. Буквы на стекле стали постепенно тускнеть.

В маленькой квартире на улице Гоголя встречали Новый год.

В прихожей и в комнате, где был отодвинут к стене праздничный стол, кружились пары. Играли патефон. В ванной уже целовалась какая-то пара. Дверь туда была приоткрыта, и через щель виднелись девичьи плечи.

На кухне две девушки помогали Люсе перетирать посуду.

И только Саша, одетая в белое шелковое платьице с такими же бантиками, вплетенными в тоненькие косички, была не у дел. Она стояла одна, прислонясь к стене, и жадно взглядывала в лица танцующих. Щеки ее раскраснелись, глаза блестели, и все ее существо казалось переполненным тем неповторимым ощущением новогоднего праздника, которое царило вокруг.

Увы, она была тут самой младшей, и никто не принимал ее всерьез.

Из-за стола поднялся какой-то юноша и двинулся по направлению к ней. Саша заку-

сила губу и замерла в ожидании. Но юноша прошел мимо и скрылся в передней.

Потом она услышала шаги на лестнице.

Рванулась в переднюю, остановилась перед дверью. Нет, это к соседям.

Девочка заглянула на кухню.

— Помочь? — с надеждой спросила она.

— А где ты была раньше? — воскликнула Люся. — Все уже перемыли.

И вдруг задребезжал звонок.

Протискиваясь между танцующими, Саша бросилась открывать.

— Не лезь всюду первой! — остановила ее Люся.

— Пожалуйста! — Обиженно дернув плечами, Саша отошла в сторону.

Люся открыла.

В дверях стоял высокий плотный мужчина лет двадцати четырех в коричневом кожаном реглане. Брови его заиндевели, и даже на ресницах поблескивали снежинки.

— Вам кого? — спросила Люся.

— Вас, — просто ответил он и улыбнулся. Улыбка была широкой и добродушной.

— Меня? — удивленно переспросила девушка. — Простите, но мне кажется, я вижу вас впервые.

— Возможно, — согласился он, все еще продолжая улыбаться.

В передней перестали танцевать. Из ванной выглянула целовавшаяся там пара.

— Должно быть, вы ошиблись квартирой, — осторожно заметила Люся.

— Бряд ли, — мягко возразил он. — Дом

двенадцать, квартира три.—И, выглянув за дверь, еще раз удостоверился по табличке.— Ну конечно.

— Что ж, входите,—сказала Люся, не доуменно переглянувшись с подругами.

— Считайте меня дедом-морозом,—весело воскликнул он.—Бороду я забыл в парикмахерской. Но зато у меня есть вот что,—и, осторожно откинув полу своего пальто, протянул ей ветку мимозы.—С самого синего моря. Честное слово!

Но Люся не взяла.

— А кроме шуток?—нахмурясь, спросила она.

— Кроме шуток?—как эхо повторил он и вдруг покраснел.—Прочитал адрес на стекле. Дай, думаю, заверну на чужой огонек. Авось не прогонят.

Воцарилась неловкая пауза.

— Извините, если помешал...

— Пожалуйста,—не улыбнувшись, ответила Люся.

Он отступил за порог, но, отстранив сестру, Саша схватила его за рукав..

— Куда вы? Ведь она пошутила! Правда же, ты пошутила?

— Сашенька, ты вмешиваешься не в свое дело,—мягко произнесла Люся.—И вообще тебе давно уже пора спать.

— Ничего не попишешь—нужно слушаться старших.—Он сочувственно подмигнул Саше и неожиданно сунул ей в руки мимозу.

Люся захлопнула за ним дверь.

В наступившей тишине было слышно, как под его шагами заскрипели деревянные ступени лестницы.

— Зачем ты это сделала?—прошептала Саша.

— Кончено!—отрезала Люся.—Поговорили, и будет.

— Нет!—горячо воскликнула Саша.—Вы просто никто ничего не понимаете! Это же Астахов! Знаменитый летчик!

— Какой Астахов?—спросил кто-то.

— Тот самый! Я его портрет в «Огоньке» видела! Хотите, принесу?

— Ты бы лучше о своих двойках думала!—заметила Люся.

— А у меня каникулы!—вызывающе крикнула Саша.—Нет, его надо вернуть!—И она схватила с вешалки свое пальтишко.

— Самое бстроумное, что ты можешь сейчас сделать,—вырвав у девочки пальто, медленно произнесла Люся,—это пожелать всем спокойной ночи.

Саша посмотрела на Люсию, потом перевела взгляд на окружающих. Губки у нее надулись и задрожали.

— Спокойной ночи,—тихо сказала она и медленно пошла в комнату.

— Сашенька, куда вы?—попытался остановить ее один из юношей.

— Спокойной ночи,—повторила она и скрылась за дверью...

...Она вошла в темную комнату, упала плашмя на кровать и зарылась носом в подушку.

Она плакала горько и неутешно, вздрагивая всем телом.

На соседней кровати спал ее брат — пятилетний Сережка. Он сонно потянулся и, опустив босые ноги, слез на пол. Потом, став на колени и шаря рукой под кроватью, начал искать горшок. Нашел. Выдвинул на середину. Поднял голову и встретился глазами с Сашей.

— Отвернись, — недовольно просопел он. — Ну, чего глядишь?

— А я и не гляжу, — всхлипнула Саша. — Очень ты мне нужен!

И повернулась так резко, что звякнули пружины.

Прижавшись щекой к подушке, девочка стала царапать ногтем отставший краешек обоев.

Из-за двери донесся дробный стук каблучков о паркет и залихватская музыка...

«Тик-так! Тик-так!» — тикали игрушечные ходики. Циферблат изображал мордочку кошки. С каждым движением крохотного маятника кошачьи глаза поворачивались то вправо, то влево.

Подняв голову с подушки, Саша прислушалась. Из соседней комнаты доносился приглушенный шепот.

Люсина кровать была нетронута.

Девочка встала и, накинув халатик, заглянула в столовую.

Люся сидела на краешке дивана, склонившись над каким-то юношем. Они целовались.

— Здравствуйте, Митя, — сказала Саша. — Вы все же пришли? С Новым годом!

— А ну, марш! Сейчас же уходи, слышишь? — с яростью обернулась Люся.

Но Саша продолжала стоять в дверях.

— Иди же. Я тоже сейчас приду, — уже со слезами взмолилась сестра.

— А можно я подожду тебя здесь? Можно? — с потрясающей наивностью произнесла Саша.

...И снова пустынное шоссе... И женщина возле машины. И след инверсии, оставленный в небе самолетом.

— Поедем дальше? — спрашивает шофер.

— Нет, подождем здесь, — не оборачиваясь, говорит женщина, вся во власти далеких воспоминаний.

Облокотясь о крыло, вертя на пальце ключи от машины, шофер начинает лениво настыивать... Это мотив полузыбкой песенки из довоенного фильма — о товарище, улетающем в далекий край, и о городе, который может спать спокойно...

Что-то до слез знакомое связано с этим незамысловатым мотивчиком...

Женщина вспоминает...

— Петья! Петя! — не помня себя от радости, Саша бежала по школьному коридору.

Он был заполнен мальчиками и девочками. Ребята столпились у дверей класса, из которого только что вылетела Саша.

В самом конце коридора с подоконника спрыгнул юноша.

— Ну? — спросил он.

— Тройка! — выдохнула Саша и показала три пальца.

Глаза ее так и излучали счастье.

— Чему же ты так бурно радуешься?

— А что? — расхохоталась она. — Государственная отметка! Нет, это же фантастично! Последний экзамен, и я уже больше не школьница!

— Поздравляю, — Петя протянул ей руку.

— Благодарю вас.

Двери соседнего класса были открыты. Не выпускавшая ее руки из своей, Петя легким усилием увлек Сашу туда и прикрыл за собой дверь.

Класс был пуст. На стене красовалась надпись: «Вовка дурак!»

Саша уселась на парту и выжидающе посмотрела на Петя.

— Ну? — спросила она.

Петя смущалась.

— Просто хотелось... В общем, чтоб мы остались вдвоем.

— А зачем?

— А какой тебе достался билет? — почтительно не глядя на Сашу, тихо спросил Петя.

— Бином Ньютона и еще какая-то муть, а что?

— Нет... Ничего.

— Ты все знала? — опять спросил Петя.

— Я-то? — в глазах у Саши вспыхнули хитроватые искорки.

Она оглянулась на дверь и поманила к себе пальцем Петю.

— Гляди.

И, неожиданно приподняв краешек юбки, обнажила коленки. Они были густо исписаны формулами.

— Правда — сила?

— Не знаю.

— Ой! — вдруг воскликнула Саша. — Садовая голова! Мы ж опоздали!

— Куда?

— Здрасьте! — всплеснула руками Саша. — Уже забыл?

— Так «Истребители» ж, — умоляюще произнес Петя. — Четыре раза смотрели!

— Ну и что ж! Ну я прошу! Жалко тебе, да? Жалко?

Петя молчал.

— А, понимаю, — заговорщицки прошептала Саша. — Ты не волнуйся: я сегодня богатая. Даже на мороженое останется!

Саша доедала мороженое. Она ела не торопясь и смотрела на экран.

Петя не проявлял интереса к перипетиям сюжета. Он знал его наизусть. Сейчас его волновало другое.

Затаив дыхание и слыша биение собственного сердца, он стал осторожно пристраивать руку. Неслышно, точно боясь обжечься, опустил ее на спинку Сашиного кресла и замер в неловкой позе. Потом, осмелев и собравшись с духом, слегка коснулся пальцами ее плеча.

Саша повернула к нему удивленное лицо и сняла со спинки Петину руку.

— Ты обиделась? — дрогнувшим голосом произнес он.

— За что? — не поняла она. — А? Нет. Просто так неудобно.

Некоторое время сидели молча. На экране, оторвавшись от площадки аэродрома, уходил в небо тупорылый «ястребок».

— Саш, — шепотом начал Петя.

— Не мешай, потом, — отмахнулась она и подалась вперед, захваченная происходящим на экране.

— Саша, — переждав напряженный момент сюжета, снова начал он. — Мы с тобой уже не дети, ведь правда?

— Конечно, — не поворачивая к нему головы, кивнула она.

— Вот видишь, — облегченно выдохнул он, — значит мы можем говорить серьезно?

— О чём?

— Обо всем. Хотя бы о нас. Надо мной все ребята смеются.

— А почему? — Саша резко повернулась к нему. — Интересно знать, почему это они над тобой смеются?

— Потому. — Петю смущила столь неожиданная реакция. — Сама же знаешь... Ну что я тебе? Кто?

— Товарищ. — Саша не поняла его горячности.

— И всё? — упавшим голосом сказал Петя.

— А что же еще? Раньше же тебе это нравилось, что же теперь?

— Теперь мы взрослые. — Голос у него дрожал, но он решил идти до конца. — Теперь уже нельзя быть просто товарищем и подругой... Теперь...

— Ах, вот ты о чём! — перебила она. — Мне очень жаль, Петенька, но у меня уже есть другой.

Она сообщила об этом, как о чем-то весьма обыденном, и до Пети не сразу дошел смысл ее слов.

— А как же я? — наконец выдавил он.

— Петенька, тут уже ничего не поделать. Ты должен смириться, — зашептала она. — Я все решила.

— Что ты решила?

— Ты очень хороший парень. Ты настоящий друг и так далее, но ты совсем не мой идеал.

— При чём тут идеал?

— Молчи, ты ничего не понимаешь. У тебя нежные и расслабленные чувства. А мне нужен сильный и мужественный человек — отец моих детей.

— Ты что, с ума сошла, Сашка? — Он все еще не понимал, шутит она или же говорит серьезно.

А Саша продолжала, охваченная подлинным вдохновением.

— Знаешь, он пришел ночью, под Новый год, такой огромный, в кожаном пальто, и весь занесенный снегом... Он принес мне ветку мимозы... Он летел через ветры, через снега на своем быстрокрылом самолете... И с тех пор мы полюбили друг друга на всю жизнь.

— Ты это сейчас придумала? — спокойно поинтересовался Петя.

— Нет, уже давно, — простодушно ответила Саша.

— Значит, все же придумала?

— Смешной! — В голосе ее прозвучало кровенное сочувствие. — Я ничего не придумала. Просто это было давно, еще в восьмом классе, и тут уж ничем нельзя помочь.

— А кто он такой? — недоверчиво произнес Петя.

— Смотри туда, — она кивнула в сторону экрана. — Это все из его биографии.

На улице светило яркое солнце.

— Проводишь? — спросила она.

— Нет.

— А вечером придешь?

— Не приду.

— Почему? — изумилась она.

Петя не ответил.

— Я не знала, что ты такой ревнивый, — вздохнула Саша. — Уж не надумаешь ли ты застрелиться?

— Не надумаю. — Он повернулся и пошел прочь.

— Петя! — крикнула она вслед.

— Ну что? — Он остановился.

— Ты не расстраивайся, ладно? Ты тоже поженишься с кем-нибудь. И мы станемходить друг к другу в гости.

— Спасибо, — сказал он и пошел.

Саша долго смотрела ему вслед.

Читальный зал городской библиотеки был забит до отказа: вчерашние десятиклассники уже готовились к вступительным экзаменам в институты, у студентов шли весенние сессии. Царила особая библиотечная тишина, нарушаемая лишь приглушенным шепотом, скрипом стульев и шелестом перелистываемых страниц.

Саша и Петя сидели рядом. Сбоку подошел Митя. Он был до самого подбородка нагружен книгами.

— Сашенька, передайте, пожалуйста, Люсе, — сказал он, показывая на записку, зажатую между пальцев.

Саша взяла у него записку.

— Я к ней завтра забегу. Утром.

Петя проводил Митя глазами.

— Кто это? — спросил он.

— Митя. Люськин жених. Они после сессии поженятся. И папа согласен.

В этот момент послышался грохот падающих книг. Саша и Петя обернулись.

По полу ползал Митя, собирая книги.

— Чудной какой-то! — заметил Петя.

— Сам ты чудной! — обиделась Саша. — А он очень содержательный парень.

— Товарищи, не разговаривайте!

Саша взяла со стола ветку засохшей мимозы и стала разглядывать ее. Петя отобрал у нее ветку и подвинул к ней книгу. Улучив момент, Саша снова схватила мимозу.

Тяжело вздохнув, Петя вырвал из тетрадки листок и написал Саше: «Зубри, а то засыпешься».

Прочитав записку, Саша полистала томик Пушкина, отчеркнула ногтем какие-то строчки.

Петя прочитал:

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Петя полистал книгу, тоже отметил какие-то строки и положил Пушкина перед Сашей. Она прочла:

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами...

Саша сосредоточенно стала листать книгу. Нашла.

Но я другому отдана
И буду век ему верна...

И вдруг их внимание привлек необычный шум. С катастрофической быстротой зал начал пустеть. Девятый ряд столов был уже пуст. Опустел восьмой, седьмой... В шестом несколько человек поспешно собирали книги.

Опрокинув стул, Саша бросилась к проходу.

— Что случилось? — крикнула она.

Ей не ответили. Все куда-то спешили, всем было не до нее.

Поддавшись общему настроению, они с Петей тоже стали торопливо протискиваться к выходу.

Столкнулись с каким-то здоровенным парнем. Саша схватила его за пиджак.

— Да что тут происходит? Объясните же, ради бога!

— Война! — с какой-то мрачной решимостью произнес он. — Война, братцы мои, война!

— А это точно? — не поверил Петя.

— Немцы бомбили Киев, — сказал кто-то сбоку.

— Дураки! — воскликнул Петя. — Какие же дураки! Да мы их разобьем к чертовой бабушке! Вот увидите, не пройдет и десяти дней...

Он говорил, а толпа увлекала их вниз по широкой мраморной лестнице.

Вдруг о чем-то вспомнив, Саша ринулась обратно, навстречу людскому потоку.

— Саша! — крикнул ей Петя. — Куда ты, Саша?

Но Саша была далеко.

Спотыкаясь об опрокинутые стулья, она бежала по абсолютно пустому библиотечному залу.

Вот и их ряд... Раскидывая сваленные в беспорядке книги, она смахнула на пол ветку мимозы.

Опустилась на корточки, бережно подняла ее за стебелек и стала собирать в ладонь опавшие лепестки...

— От Советского Информбюро. Переаем оперативную сводку на двадцать пятое июня. В течение минувших суток на

всем протяжении фронта от Баренцева до Черного моря наши войска вели тяжелые бои с превосходящими силами противника. В ряде участков наши войска отступили на заранее подготовленные позиции.

Стоял жаркий июньский полдень. Окна в комнате были раскрыты настежь. По радио только что закончили передавать очередную сводку, и теперь из репродуктора неслись звуки военного марша.

Иван Ильич — отец Саши, большой грузный мужчина в белом железнодорожном кителе, сидел за столом и барабанил пальцами по клеенке.

— Невеселые дела, — после долгой паузы произнес он и почесал небритый подбородок.

Саша, устроившись с ногами на диване, читала книжку.

— Наши уже взяли Варшаву, — авторитетно заявил Сережка. — Только пока не сообщают.

Иван Ильич выразительно посмотрел на него и ничего не ответил.

В передней раздался звонок.

— Это за мной ребята, — выпалил Сережка и кинулся открывать.

Неторопливым шагом очень уставшего человека в комнату вошел Митя. Он опустил у дверей вещевой мешок, сделанный из обыкновенной наволочки.

— Вот, — через силу улыбнулся он, — пришел попрощаться, — и снял кепку.

Голова его была острижена наголо.

— Что, забрали молодца? — сочувственно заметил Иван Ильич.

— Нет, зачем? Я сам, — вдруг обиделся Митя. Он на секунду замолк и спросил смущенно: — А Люси что, нет?

— Люся! — крикнул Иван Ильич. — К тебе солдат пришел!

Торопливо прикрыв за собой дверь, из детской появилась Люся.

— Ой, какой же вы чудной! — ахнула она. — Вам так не идет эта прическа!

— Я ухожу, — сказал он и достал из кармана повестку. — Вот. Кружка. Ложка. Продукты на три дня. Словом, совсем.

— Ну, теперь, я думаю, — по-свойски подмигнул ему Иван Ильич, — дела на фронте пойдут веселее.

Но Митя не оценил этой шутки.

— Замотаялся вконец, — сказал он и тяжело опустился на стул. — Никто не хотел принимать комсомольские дела — все сами уходят. Потом в это общежитие к черту на кулички, потом в военкомат, потом в деканат... Ноги не держат...

Он сидел на стуле, а Люся, Саша, Сережка и Иван Ильич стояли вокруг и смотрели на него.

— Ну, — Митя поднялся, — пора.

— Постойте, — остановил Иван Ильич. Он положил руки на плечи Сережке и Саше и сказал тихо: — Ступайте, пускай они попросятся.

— Не нужно никому уходить, — сказала Люся. — Мы с Митея посидим на кухне.

Митя кивнул и пошел за ней.

— И мой куда-то пропал, — совсем подвзрослому вздохнула Саша.

— Чего? — опешил от этих слов Сережка.

— Смешные вы мои! — грустно улыбнулся Иван Ильич и, обняв их обоих, прижал к себе.

Из кухни послышалось всхлипывание Люси. Сережка выглянул за дверь.

— Они там целуются, — успокаивающе сообщил он.

— ...В течение минувших суток наши войска по-прежнему вели тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Оставлены города...

Голос диктора заглушил грохот проехавшего под окнами грузовика.

Была уже ночь. Саша и Люся стояли у раскрытоого настежь окна детской. В комнате не зажигали огня, соблюдая правила светомаскировки.

Город за окном напоминал сплошную черную яму. По мостовой сбивчивым шагом колонна за колонной двигались войска. Снизу сюда доносились отрывистые, приглушенные слова еще довольно штатской команды.

— Уходят, — тихо сказала Люся, — все уходят и уходят... — Она стиснула ладонями виски и произнесла совсем шепотом: — Мальчики... До свидания, мальчики...

Ей ответили тишина и дробный звук тысяч шагов по булыжной мостовой.

— Саш, — послышался голос Сережки, — тебя тут Петенька зовет.

Через узкую щель приоткрытой двери на пол упала тонкая полоса света.

Саша боком протиснулась в эту щель и вынырнула в столовой. Посреди комнаты стоял Петя.

— Насилу прошел, — объяснил он. — Комендантский час — нигде не пускают.

— А где ты все пропадал? — недовольно спросила Саша.

— Устраивался, — коротко ответил он и покосился на Сережку.

— Куда? — поинтересовалась Саша.

— В армию. Куда ж теперь люди устраиваются?

И только тут Саша заметила, что он упорно не снимает кепку.

— А ну, сними, — строго приказала она, показывая на кепку.

— Не надо, — запротестовал Петя.

— Да он же побритый! — торжествующе уличил Сережка.

Петя снял кепку.

— Ой, правда, — воскликнула Саша. — А я думала, ты трепанулся.

— Нет, — Петя опустил голову, — уже завтра являться к восьми утра.

— Покажи повестку, — потребовала Саша.

— Мне без повестки.

— А кружка, ложка есть? А продукты на три дня?

— Да мне ничего этого не нужно, я, понимаешь ли...

— Понимаю, — перебила Саша. — Значит, ты не настоящий солдат.

И тут Петю прорвало.

— Ну и не верь, черт с тобой! — воскликнул он. — Я через полгода на истребителе буду летать! Меня зачислили в авиационное училище! Вот справка, пожалуйста!

Он вытащил из кармана комсомольский билет и протянул Саше желтенькую бумажку.

Саша недоверчиво взяла ее и, шевеля губами, стала читать.

— Ой, Петья! — с изумлением прошептала она.

— Мне чего — уходить? — на всякий случай осведомился Сережка.

— Зачем? — обернулся Петя.

— Так вы ж будете прощаться.

— А мы и при тебе попрошаемся, — сказал Петя. — Мне ж тут недалеко: на сорок второй километр. Если все будет спокойно, обещали по воскресеньям отпускать.

— Пойдем на кухню, — повелительно произнесла Саша.

— Для чего? — не понял Петя.

— Иди, иди, — посоветовал Сережка, — все солдаты прощаются на кухне.

Петя пожал плечами и послушно пошел за Сашей.

«Кап, кап, кап» — тяжелыми каплями падала в раковину вода. На кухонном столе громоздилась гора немытой посуды. У стены, возле плиты, стояла широкая деревянная скамья.

— Садись, — кивнула на скамью Саша.

— Да нет, понимаешь, — запротестовал Петя, — мне домой нужно идти. Я и так отпросился у мамы на три минуты.

— Садись, — повелительно повторила ему Саша.

— Ну, сел. — Петя опустился на скамью.

— Теперь мы будем с тобой долго-долго прощаться.

— Зачем же долго?

— А вдруг тебя там убьют?

— В училище-то? — усомнился Петя.

— А что?

— Да брось ты. — Петя встал. — Нашла время шутки шутить.

И вдруг обвив руками его шею, Саша звонко поцеловала Петя в щеку. От неожиданности он потер щеку рукой.

— Ты это серьезно? — спросил изумленно.

— Ага, — кивнула она, — чтоб ты знал.

— По-твоему, мне это нужно знать?

— Конечно. — Она снова кивнула. — Теперь ты пойдешь в бой с легким сердцем.

— Я еще не скоро пойду в бой, — осторожно заметил он.

— Это не имеет значения. — Она помедлила и сказала очень серьезно: — А когда ты придешь в следующий раз, опаленный копотью и дымом сражений, я брошусь навстречу тебе и стану навеки твоей боевой подругой.

Помолчали.

— Устал я, — признался Петя. — Веришь, даже не присел ни разу с утра.

— А ты приляг, — предложила Саша.

Вот тут, а голову положи мне на колени. Нам же теперь нечего стесняться.

Петя снова с недоверием посмотрел на нее и лег.

Она ласково провела ладонью по его ежику.

— Какой ты колючий.

— Это все вправду, Саша? — недоверчиво спросил Петя.

— А ты не думай ни о чем, ладно? Пускай на душе у тебя будет хорошо. — Она ласково гладила его по голове. — Ты кончишишь учиться, сядешь на свой легокрылый ястребок и встретишься в бою сразу с четырьмя фашистами. Троих собьешь ты, а четвертый настигнет тебя. Ты упадешь в степь в высокую траву, обливаясь горячей кровью. И тут тебя отыщу я с санитарной сумкой через плечо. «Петя», — позову я. Ты откроешь глаза, но меня не узнаешь. Я перевяжу твои страшные раны...

Саша на минуту замолкла и услышала ровное дыхание Пети.

— Петя, — позвала она. — Петя! — Она всхлипнула от обиды. — Петька, противный, проснись!

Слегка посапывая, Петя спал богатырским сном.

— В течение ночи на семнадцатое сентября на фронтах существенных изменений не произошло. На московском направлении продолжались упорные бои за Можайск. В воздушных боях огнем зенитной артиллерии и на аэродромах

уничтожено тридцать два самолета противника. Двенадцать наших самолетов не возвратились на базы. Совинформбюро.

Репродуктор хрюпал. Он перекосился набок, но никому не приходило в голову поправить его.

В столовой все было перевернуто вверх дном. Повсюду валялись разбросанные в беспорядке вещи. На полу и на диване стояли раскрытие чемоданы.

Где-то недалеко за городом била тяжелая артиллерия. При каждом залпе в окнах звенели стекла.

— Саша, ты не знаешь, куда могла запропаститься Сережина шерстяная фуфайка? — донесся из детской голос Люси.

— Я упаковала ее в большой чемодан, — ответила из столовой Саша.

— А его лыжные штаны? — последовал новый вопрос.

— Тоже.

Саша стояла у раскрытого чемодана. Вид у нее был растерянный.

Сережка сидел на стуле в углу — умытый, серезный и непривычно притихший.

Из детской вышла Люся.

— Ну, кажется, все, — вздохнула она и оглядела комнату.

— Хорошо бы немного прибрать. — Саша кивнула на разбросанные вещи.

— Ах, какое это имеет теперь значение! На столике зазвонил телефон.

— Да? — Люся сняла трубку. — Хорошо...

Да нет, мы уже уложились.—Она повесила трубку.—Это папа, он не сможет заехать. Будет ждать на вокзале.

Саша кивнула и, навалившись коленом на крышку, стала запирать чемодан.

— А правда его оставляют тут с секретным заданием? — конфиденциально спросил Сережка.

— Ты уже в сотый раз задаешь этот дурацкий вопрос! — раздраженно воскликнула Люся.—Никто его не собирается оставлять. Успокойся.

— Он забронированный, да? — снова задал вопрос Сережка.

— Отстань!

В передней позвонили.

— Господи, уже за нами! — всплеснула руками Люся.—А я даже не причесалась, — и она побежала в переднюю.

Оттуда послышались мужские голоса, и в комнату ввалились двое товарищей Люси.

— Ну, чего тут забирать? — бодро воскликнул один из них.

— Вот эти три чемодана и тот тюк с постелью, — засуетилась Люся.—Саша, бери корзину. Сережка, ты — хлеб и спускайтесь спускайтесь, я сейчас догоню.

Придерживая обеими руками корзину, Саша сошла по старым скрипучим ступеням лестницы, пересекла двор и очутилась на улице.

У ворот стояла ободранная полуторка, нагруженная чемоданами и узлами. Поверх веющей сидело несколько человек.

Им передали чемоданы, кто-то принял из Сашиных рук корзину, кто-то подсадил Сережку.

— Ставьте ногу на колесо, — сказал Саше высокий худощавый парень.

Она последовала его совету и ухватилась руками за борт грузовика.

— Саша! — услышала она за спиной и обернулась.

На тротуаре стоял солдат в желтых от глины сапогах и обляпанной грязью шинели. Это был Петя.

Саша спрыгнула обратно на землю и пошла к нему.

— Ты помнишь, ты обещала, — медленно произнес он.—И вот я пришел. Меня отпустили на шесть часов. Из них три я добирался сюда. Но мы успеем.

— Что успеем? — глухо спросила Саша.

— Все, — упрямо произнес он.—Времени еще гора.

— Откуда вы? — спросил худощавый парень.

— Оттуда, — как-то неопределенно мотнул головой Петя и повторил снова: — Меня отпустили на шесть часов.

— Мы эвакуируемся, — тихо сказала Саша.

Стуча каблуками по асфальту, появилась Люся. Она на ходу пришипливалась шляпку.

— Ну, можно ехать, — выдохнула она.—Куда здесь прикажете взбираться? — и тут заметила Сашу.—Ты что, ждешь особого приглашения?

— Поезжайте, я приеду трамваем, — сказала Саша.

— Не болтай глупостей! — повысила голос Люся. — А ну, сейчас же садись.

Петю она не узнала.

— Товарищи, побыстрее, — высунулся из кабинки полный лысый мужчина, — и так уже времени в обрез!

— Ты долго еще намерена стоять?

— Я же сказала, что приеду трамваем! — это было произнесено с каким-то вызовом и даже злостью.

Люся закусила губу и, размахнувшись, влепила ей пощечину.

У Саши дрогнули губы, краска мгновенно сползла с лица, но она не двинулась с места.

— А теперь я и вовсе никуда не поеду, — еле слышно произнесла Саша.

Некоторое время Люся с яростью смотрела на нее, потом круто повернулась и торопливо пошла к машине. Ей подали руку и помогли взобраться наверх.

— Трогайте, — крикнула она. — Сейчас я пришлю отца, он поговорит по-другому.

В моторе что-то заурчало, машина дернулась и медленно двинулась, переваливаясь по ухабам мостовой. Она завернула за угол, стрельнула выхлопной трубой и скрылась из глаз.

— Больно она тебя? — сочувственно произнес Петя.

— Не очень. Так мне и надо.

— За что?

— За все. — И она опустила голову.

— Мы четверо суток были в бою, — неожиданно сказал Петя. — Под Джемете. Ты помнишь, мы ездили туда со школой?

— А ты разве уже не в училище?

— Нас бросили на передовую, когда под городом стало тухо. Теперь будем доучиваться, кто остался живой.

— И тебя отпустили оттуда, чтобы жениться?

— А что, разве это не уважительная причина?

— Уважительная, — согласилась Саша.

Некоторое время они стояли молча. Наконец она подняла к нему лицо.

— Ты должен презирать меня, я самая подлая из всех на свете.

— Но почему? — шепотом спросил он.

— Потому. Уж я знаю.

Опять помолчали.

— Значит, это была неправда все, что ты говорила тогда?

Она опустила голову и молча кивнула.

— И значит ты меня ни капельки, ни капельки не любишь?

Она отрицательно мотнула головой и опустила ее еще ниже.

— Мне очень хотелось провожать, — тихо призналась она.

— Зачем же было играть со мной? Я же не кукла. — Он мял в ладонях полу своей грязной шинели.

— Я знаю, ты человек, ты самый лучший, Петья, — уже сквозь слезы шептала Саша. —

И в истребители пошел тоже из-за меня. Но что я могу поделать, если внутри у меня так пусто...

Мимо проходил какой-то грузовик. Неожиданно Петя перебежал на мостовую, ухватился руками за борт и тяжело перевалился в кузов.

Саша не побежала за ним, не крикнула, не остановила его. Она так и осталась стоять на тротуаре.

Забрызгав ее грязью, рядом затормозила «эмка», из которой выскочил взъерошенный Иван Ильич.

— Это что еще за фокусы? — воскликнул он. — Ты что, в самом деле?

— Папа, — тихо произнесла Саша, — ну почему я ни в кого не могу влюбиться? Может, я ненормальная?

Чистое, голубое, бездонное небо простиралось над головой. В нем медленно расплывался тонкий след инверсии, оставленный самолетом.

По-прежнему было пустынное шоссе в чистом поле и ветер...

Все так же возле машины стояла женщина и так же смотрела в небо. Она опять вспомнила.

...И вот уже небо в ее глазах стало заметно темнеть, уходить в продолговатый прямоугольник окна, за которым сыпал мелкий снежок и медленно поднимались ввысь шары воздушного заграждения.

Саша стояла у окна и укладывала вещевой мешок. По ее щекам катились слезинки. Она отирала их тыльной стороной ладони, но они набегали снова и снова.

Иван Ильич, гладко выбритый, в свежей, наутюженной нижней сорочке, заправленной в офицерское галифе, глубоко задумавшись, расхаживал по комнате.

— Поосторожнее обращайся с мешком, — не оборачиваясь, сказала Саша. — Я положила туда варенье.

Иван Ильич подошел сзади и выложил банку обратно на стол.

— Не нужно, — сказал он. — Там это излишняя роскошь.

— Ты можешь и простудиться. Тебе же всегда помогала малина.

— Там это вряд ли может случиться.

— Ну вот, будем спорить, как маленькие. — И снова положила банку в мешок.

Он повернулся Сашу к себе.

Она смотрела на него, губы у нее вздрогивали, глаза были полны слез.

Иван Ильич достал платок, вытер ей глаза, нос, щеки.

— Ты стала уже совсем взрослой, Саша.

Зазвонил телефон. Иван Ильич торопливо снял трубку.

— Слушаю, — сказал он. — Кто?.. А ее нет в городе. Она в эвакуации... Как? — последовала долгая пауза. — А где это?.. Да-да, знаю. Конечно, ну конечно же, я понимаю...

Иван Ильич опустил трубку.

— Видишь ли, — медленно произнес он. —

Собственно, спрашивали Люсю... Дело в том, что Митю доставили с той стороны. Он ранен... И, кажется, тяжело... Утром его перевянут в Москву... Он очень хотел видеть Люсю.

— Но Люси же нет.

— Да, Люси нет. — Иван Ильич вздохнул и задумался. — Но, может быть, ты бы сходила к нему? Все-таки не чужой человек. Ему будет приятно.

— Я?.. А как же...

— Ну, до поезда еще четыре часа. Это эвакогоспиталь... Недалеко... Тут... В вашей школе...

В халате, наброшенном на плечи, Саша шла по знакомому школьному коридору. Мелькали таблички на дверях классов: «6 А», «8 Б», «7 А», «Учительская». Чуть пониже последней таблички была прикреплена кнопками бумажка с надписью: «Операционная».

Коридор был забит ранеными. Они стояли, сидели на корточках, лежали вповалку у стен.

Возле операционной ожидали очереди двое носилок-катков, покрытых белыми простынями, на которых темными пятнами пропускала кровь.

Мимо Саши пробежала женщина, повязанная до бровей косынкой. Рукава халата были закатаны по локоть.

— Простите, как тут найти Ковшова? — попыталась остановить ее Саша.

— Не знаю, — на ходу бросила та.

Однако, пройдя еще несколько шагов, возвратилась.

— Кажется, там, возле окна, направо, — она указала на дверь с табличкой «8 А». — Впрочем... Видите, что творится?.. Разве запомнишь?

...Это был тот самый класс, в который после последнего экзамена они ушли с Петей. На стене, из-за свежей побелки, как старая знакомая, еще проглядывала надпись: «Вовка дурак!»

У окна, закрытый до подбородка одеялом, лежал бородатый мужчина. Он с трудом приподнял голову и еще издали смущенно улыбнулся. И только по этой улыбке Саша узнала Митю.

— Здравствуйте, Митя. — Она присела на табурет. — Вы знаете, ведь Люси же нет...

— Да, — кивнул он. — Мне уже сказали. Спасибо за то, что пришли. — Митя облизнул сухие губы. — Понимаете, как назло, из ребят — никого... Кто в эвакуации, кто на фронте...

— А что с вами? — осторожно спросила Саша.

— Это неинтересно. — Он дышал тяжело и говорил с паузами. — И потом — мало времени... Во всяком случае, у меня... — Митя сделал попытку повернуться, но она закончилась безуспешно. — Вас не затруднит, если я прошу достать у меня из-под подушки сумку? — спросил он.

— Что вы, пожалуйста.

Саша слегка приподняла подушку, на которой покоилась Митина голова, и вытащила из-под нее кожаную офицерскую сумку.

— Теперь откройте ее — там должна быть тетрадь.

Саша открыла сумку.

— Выкладывайте все прямо на постель, — сказал Митя.

Она с опаской опустила на одеяло тяжелый «парабеллум», потом извлекла из сумки пачку перетянутых резинкой документов, орден «Красной Звезды», медаль «За отвагу» и, наконец, плотную пачку листков, густо исписанных формулами и прошитых сурговой ниткой.

— Вот и добрались до самого главного. — Митя вдруг покраснел и опять смущенно улыбнулся: — Понимаете, это слишком ценно, чтобы таскать за собой... Тем более в моем положении... Вы разбираетесь хоть немного в физике?

— Слабо, — призналась Саша. — У меня всегда была тройка.

— Ну... Как бы вам объяснить... — Митя с трудом подбирал слова. — Тут некоторые соображения о природе протонов... Мне, кажется, кое-что удалось... Все это еще, конечно, нуждается в проверке... Так вот, обещайте мне сохранить... Это может пригодиться... Ко мунубудь... После...

— А вы... вы сами... Разве вы уже не надеетесь? — сама поражаясь своим словам, произнесла она.

— Надеюсь, — неуверенно сказал он.

За окном надрывно взвыла сирена. Саша поднялась и стала поспешно укладывать все обратно.

— Так вы обещаете мне? — повторил Митя.

— Ну да, конечно. — Саша взяла тетрадь, свернула ее в трубочку. — Но сейчас я должна бежать... Сегодня, понимаете, папа уходит на фронт... С коммунистическим батальоном... Я провожу и вернусь... Я буду сидеть всю ночь, и мы станем говорить, говорить...

Митя, казалось, не слушал — он ревниво следил за ее руками, в которых она вертела тетрадь.

За окном захлопали зенитки. Дробно засвечивал крупнокалиберный пулемет.

Она бежала по пустынной улице. Сыпал снег... Били зенитки... О железо крыши, как градины, стучали осколки.

Вдогонку раздался пронзительный милицейский свисток.

— Гражданка! Стойте, гражданка!

Но Саша не обернулась, не замедлила бега. Только бы проскочить, только бы не задержали!

Где-то совсем близко глухо ахнул взрыв и в воздух взметнулся битый кирпич.

Сашу ударило о забор. Она упала, но тут же поднялась и снова побежала.

И в этот момент чьи-то сильные руки схватили ее и потащили куда-то в сторону.

— С ума сошла? Жить надоело?

— Пустите! — отбивалась она. — Пустите! Мне тут... Мне недалеко... Я добегу... Пустите же!

Ее не слушали. Кто-то торопливо приоткрыл дверь и втолкнул Сашу на лестницу, ведущую вниз, в подвал, в бомбоубежище.

Двери за нею захлопнулись. Саша стала яростно колотить по двери кулаками, разбивая себе руки.

— Только напрасно терзаете себя, — услышала она за спиной. — Хотите вы или нет — раньше утра не выпустят.

Снизу повеяло сыростью и холодом. Во мраке шелестел гул голосов.

Под бетонными сводами тускло мерцали синие лампочки, теряясь в сплошной черноте.

Это был длинный подвал, который в мирное время служил овощехранилищем. Война превратила его в стационарное убежище. В полу регулярных тревог люди тут занимали места засветло, многие приносили с собой постели.

Саша спустилась по влажным ступеням, сошла на мягкий земляной пол, присела на нижнюю ступеньку, закрыла лицо ладошками и расплакалась, как девчонка. Она опять чувствовала себя маленькой, беззащитной и одинокой.

— А поаккуратнее нельзя? — услышала она голос, заставивший ее вздрогнуть.

Очевидно, говорившего только что втолкнули в подвал.

Вспыхнул луч карманного фонарика и скользнул по толле.

— Свет! Уберите там свет! — истерически взвизгнула какая-то женщина.

— Да успокойтесь, — сказал тот же голос. — Наверху же дверь.

Где-то очень близко упала бомба, волной рвануло дверь, и всех находящихся на лестнице обдало снегом.

— А дядя не шутит, — заметил все тот же голос.

— Астахов! — окликнул другой.

— Пал Демьяныч! Какими судьбами? Вот так встреча!

Забыв о всех своих горестях, Саша пристально вглядывалась в темноту. Но говоривших не было видно, во мраке слабо угадывались лишь силуэты.

— Как же это понимать? Ты почему-то тут, а в воздухе безобразие!

— Виноват, исправлюсь, товарищ генерал-лейтенант! — рассмеялся Астахов и уже совсем другим тоном добавил: — В кои веки, понимаешь, вырвал вечерок, и вот здрасте — всю жизнь мечтали!

— Я тоже случайно: новую птичку принял.

— Неужто ту нашу?

— Не место об этом.

Голоса стали отдаляться. Саша поднялась и как зачарованная пошла за ними.

Они шли, освещая дорогу фонариком. Смыкались над головой тяжелые бетонные своды, земляной пол отдавал сыростью, кирпичные стены покрыла плесень. Вдоль этих стен один к одному сидели и лежали люди.

Земля наверху ходила ходуном: отрывисто лаяли зенитки, захлебывался крупнокалиберный пулемет.

— Завтра же поговорю с командующим, — сказал генерал.

— Ни к чему это, Пал Демьяныч, все равно не поеду.

— Что ж мы, по-твоему, в бирюльки играем, да? — обиделся генерал.

Саша как тень следовала за ними. Ее так и подмывало окликнуть его, но смущал генерал.

Она ждала, когда они кончат и Алексей останется один.

— Работал же ты у меня испытателем.

— Были другие времена, — заметил Алексей.

— В Москве прямо сказали: откуда хочешь бери, но чтобы сделали к сроку.

— Я понимаю. — Астахов остановился и повернулся обратно к лестнице.

Саша тоже повернула обратно.

— Конечно, — повторил он, — но ведь и меня надо понять: не смогу я за пять тысяч верст от войны, я должен видеть его в лицо... Я хочу драться.

Они молча подошли к лестнице.

— Все это лирика, — наконец произнес генерал. — Заберу, и баста.

Опять помолчали.

— Ничего себе погулял, — мрачно заметил Алексей.

— Бывает, — усмехнулся генерал.

— Двенадцатый час, — в сердцах произнес

Алексей. — Не сидеть же в самом деле до завтра! А ну пошли!

Они стали энергично прорываться наружу. Саша устремилась за ними.

Возле двери началась какая-то молчаливая возня, потом дверь приоткрылась и снаружи пахнуло морозным воздухом.

— Постой! Как тебя найти?

— Телефон — тридцать три двадцать! — уже с улицы крикнул Алексей.

Обойдя генерала, стоящего на ступенях, Саша ринулась в просвет приоткрытой двери.

Но ей загородили дорогу.

— Пустите, — взмолилась она. — Мне очень, очень нужно!..

— Подождешь, — спокойно сказал дежурный. — Еще нет отбоя...

И дверь закрылась...

Как-то лениво и неохотно занимался зимний рассвет. Густыми тяжелыми хлопьями падал снег. Далеко, кварталов за десять, дрогорал пожар.

Саша медленно возвращалась по пустынной улице. Теперь уже, собственно, ей некуда было спешить.

Пересекла двор. Поднялась по лестнице, толкнула дверь. Дверь оказалась запертой.

Позвонила. Это было абсолютно бесполезно, но где-то в глубине души у нее теплилась наивная надежда, что, может быть, произошло чудо и он еще не уехал.

За дверью не послышалось никакого дви-

жения. Тогда она нагнулась и ощупью под половиком нашла ключ.

Открыла дверь. Вошла в пустую квартиру.

На столе, прижатый банкой с вареньем, лежал вырванный из тетради листок, исписанный крупным отцовским почерком.

«Ждал до самой последней минуты, — прочитала она, — дальше не смог — сочтут дезертиром. Помни, ты дала слово немедленно ехать к Люсе. Для этого:

1) Позвони Сергею Степанычу — он отправит.

2) Если его не будет, позвони по телефону 11-08 товарищу Репину — я с ним договорился.

3) Если не найдешь Репина — телефон 41-30 Горобцов, с ним тоже договорено.

4) Если и там сорвется, сходи в обком к Соколову — он поможет тебе.

5) Пиши. Целую крепко. Папа».

Саша тяжело опустилась на стул. Дыхнула. Из рта повалил пар.

Взяла зачем-то банку с вареньем. Повертела ее в руках и спрятала в буфет. Повернула ключ. Вынула его из замка. Уронила. Не стала поднимать. Потом так же неторопливо вышла из комнаты.

Медленно пересекла школьный двор. У подъезда дежурил часовой.

— Можно к больному Ковшову?

— Какая палата? — спросил часовой.

— Он в восьмом «А». Это на третьем этаже.

— Сейчас вызовем дежурную. — И часовой нажал кнопку звонка.

Появилась сестра.

— Тут спрашивают больного Ковшова. Что, родственница или так? — обернулся он к Саше.

— А его уже нет, — сказала сестра.

— Как — нет? — побледнела Саша.

— Да вы не пугайтесь, просто увезли. Сразу после отбоя. Транспортировали, так сказать.

— Ему стало хуже?

— Куда уж хуже. И так места живого нет. Очень сомневаются — доедет ли до Москвы.

И опять Саша шла по улице.

Остановилась на углу.

Постояла.

Пошла дальше. Ею все сильнее и сильнее овладевало гнетущее чувство одиночества.

Вечер застал ее одну в пустой, нетопленной квартире.

Надев на себя сто одежд, она взобралась с ногами на диван, устроилась поуютнее и раскрыла книгу.

Но ей не читалось. Некоторое время она просидела, уставившись в одну точку, и снова захлопнула книгу. Делать было абсолютно ничего.

Зябко поеживаясь, Саша слезла с дивана, сунула ноги в валенки и подошла к столу.

На столе лежала вчерашняя записка.

Она взяла ее и направилась к телефонному

столику. Перелистала истрепанную книжку-алфавит, куда записывались телефоны знакомых. Нашла телефон Сергея Степаныча. Набрала номер. Долго слушала протяжные гудки. Никто не подошел к телефону.

Переждав немного, набрала другой номер. И опять никто не ответил.

Последним в записке стоял телефон Горобцова.

— Исполком, — ответили в трубке.

— Мне товарища Горобцова.

— Выехал. — И повесили трубку.

Обняв себя за локти, Саша прошлась по комнате, прислушиваясь к звуку собственных шагов. Ей было тоскливо, невыносимо тоскливо одной.

Возвратилась к телефону и медленно, делая интервалы между каждой цифрой, набрала тридцать три двадцать.

— Дежурный по части лейтенант Орлов, — ответили по ту сторону провода.

— Попросите, пожалуйста, Астахова, — робко произнесла Саша.

— А кто его спрашивает?

Этот вопрос застал ее врасплох.

— Кто спрашивает капитана Астахова? — настойчиво повторил голос.

— Знакомая, — заикаясь, ответила Саша и, тут же спохватившись, поспешно добавила: — Я по делу... Честное слово!..

— Товарищ капитан в воздухе.

— Где? Где? — не поняла Саша.

— В воздухе, говорю, товарищ Астахов.

— А он не скоро будет?

— Не могу знать. Звоните утром.

— А вам нетрудно записать телефон и сказать, чтобы он позвонил сразу же как вернется?

— Говорите, пишу.

— Семьдесят четыре — двенадцать.

— Принято!

Послышались короткие гудки.

Ее разбудил телефонный звонок. Еще не оторвавшись от сна, она машинально нашупала трубку и сказала, не открывая глаз:

— Вас слушают.

— Это говорит Астахов, вы просили меня позвонить.

— Ага, — сказала Саша.

— С кем я говорю? — Голос у него был резким. В нем чувствовалось раздражение.

— Меня зовут Сашей, — несколько оробев от этого тона, произнесла она. — Мы были с вами в бомбоубежище.

— Не помню.

— Я все хотела к вам подойти, но вы разговаривали с генералом.

— И что же?

— Нет, ничего. Может, мне лучше повесить трубку?

— Да нет, говорите.

Наступила пауза.

— Собственно, чего вы хотите? — спросил Астахов.

— Встретиться.

— А зачем?

- Так просто.
— А какая вы из себя?.. Так какая же, а?
— Не знаю.
— Ладно. Приказывайте где.
— Можно у этого... ну, у бомбоубежища...
— Валяйте. Завтра, в четыре часа.

Электрические часы на углу, почти совсем залепленные снегом, показывали начало пятого.

По противоположной стороне улицы у фарной стрелы с надписью «Бомбоубежище» неторопливо прохаживался Астахов. Он был в кожаном реглане и шапке-ушанке со звездой.

Саша стояла в тени подъезда и издали смотрела на него.

«Подойти или не подойти» — боролись в ней противоречивые чувства.

Наконец, набравшись храбрости, она пересекла улицу и медленно прошла мимо него.

Он не обратил на нее никакого внимания.

Она вернулась и снова прошла. И опять — никакого эффекта.

Она остановилась в нескольких шагах. Почувствовала, что сейчас разревется.

Он взглянул на часы, погасил сапогом окурок и, скользнув по ней равнодушным взглядом, неторопливо пошел прочь.

Тогда, понимая, что необходимо действовать, Саша побежала за ним и дернула его за рукав.

— Это я, — выпалила она, переводя дыхание. — Вы меня не узнали?

— Вы? — удивленно переспросил он. — А в каком вы, простите, классе?

— Ой, что вы! — выдохнула она. — Я уже кончила, вот честное слово!

— Ну что ж, — задумчиво произнес он, — раз пришли — давайте знакомиться: я, значит, Алексей, фамилия моя Астахов. А вы, стало быть, Саша?

— Ага, — кивнула она и протянула руку. Наступила неловкая пауза.

— Вы почти не изменились с тех пор, — неожиданно сказала она.

— С каких это — с тех? — удивился он. — С позавчерашнего дня?

— Да нет. — Саша рассмеялась. — Помните, давно, когда вы приходили к нам?

— К вам? — В голосе летчика прозвучало еще большее удивление. — Простите, что-то не помню.

— Ну как же! — Саша вдруг густо покраснела. — Вы еще просили считать вас дедом-морозом и подарили мне мимозу.

— Так это были вы! — воскликнул Астахов. — Постойте! — Он заглянул ей в лицо. — Ни за что б не узнал. Тогда, мне кажется, вы выглядели старше.

— Серьезно? — поморщилась Саша. — Да нет, вы, должно быть, путаете меня с сестрой... Ну, вспомните... я та, которой вы подарили мимозу.

— Мимозу помню, — медленно произнес Астахов. — А вот кому именно ее дал тогда, убей меня бог, забыл. А впрочем, какая разница — тем лучше, если это были вы.

— Нет, — не могла успокоиться Саша, — я вам еще напомню: на мне было светлое платьице и большие белые банты.

— Ах, вот оно что! — Алексей широко улыбнулся. — Такая девочка стояла там у дверей и ей велели отправляться спать...

— Верно, — кивнула Саша.

— Вы очень повзрослели за эти годы.

— Хотите сказать — постарела?

— Ну нет, этого я бы не сказал.

Лед первой неловкости был растоплен.

— Ну и что мы с вами будем делать? — спросил он.

— Пойдемте в кино?

— Много народа, — сказал Астахов.

— Я знаю другое место.

— Далеко?

Саша пожала плечами.

— Махнем? — предложил Астахов.

— Махнём!

Они сошли по гранитным ступеням и оказались на льду. В сером мареве сумерек темнел силуэт вмерзшего в лед парохода.

— А хорошо, что мы сюда махнули? Правда? — переводя дыхание, воскликнула Саша.

— Романтично, только холодно.

— Хотите, зайдем в каюту?

Шлепая отцовскими валенками по льду, Саша побежала к пароходу. Обернулась у трапа, махнула Астахову рукой.

— Идите, не бойтесь! Я тут уже бывала! Астахов неторопливо пошел за ней.

В темной пароходной каюте Астахов опустился на краю каюты и притянул к себе Сашу.

Сделав нечеловеческое усилие, Саша попыталась освободиться из его объятий.

— Не надо! Не надо!.. Не смейте меня целовать! Слышите?! Когда нет любви, это пошло!

У Алексея опустились руки.

— Пошло? — изумленно переспросил он. — А зачем же вы тащили меня сюда?

— Я не тащила.

— Звонили! Назначали свидание... Зачем?

— Не знаю... — тихо ответила Саша.

— Не знаете? А пора бы знать! По крайней мере спросили бы у мамы.

— У меня нет мамы... И вообще никого нет... Только вы один и остались...

— Помилуйте! — ахнул Астахов. — Вы меня знаете два дня...

— А я думала, мы знакомы давно... Еще с восьмого класса...

Стучали по рельсам колеса трамвая... Поскрипывали промороженные насквозь тонкие стенки вагона... Тускло мерцала под потолком синяя лампочка.

В пустом вагоне на разных скамейках молча сидели Саша и Алексей. Не глядя на Астахова, Саша тщетно старалась согреть дыханием свои озябшие руки.

Вагон стал замедлять ход. Саша поднялась. Астахов тоже встал.

— Ну, мне пора, — сказала Саша.

— Давайте завтра опять встретимся, — вдруг предложил Астахов. — До тридцатого мой самолет в ремонте... Так что у нас в запасе целых четыре дня... А? Не хотите?

Саша опустила голову.

— Вы можете обо мне очень плохо подумать, — шепотом произнесла она, — но давайте встречаться все четыре дня?..

Она вбежала в комнату. Зажгла свет. Сбросила на диван пальто и шапку.

На стене висел картонный табель-календарь. Саша подошла к нему, взяла карандаш и обвела рамочкой от двадцать пятого по тридцатое декабря. Потом, подумав, перечеркнула двадцать пятое число.

...Сашина рука перечеркнула двадцать шестое декабря.

...Медленно взад и вперед двигалась деталь. Закручивалась в спираль блестящая стружка. Работал токарный станок.

Насколько видит глаз в даль, уходила линия станков и терялась где-то во мглистом полумраке огромного цеха.

Саша стояла у станка и то и дело поглядывала на электрические часы, висящие под самым потолком. Часы показывали без минуты четыре.

И вот гулко разнесся долгожданный гудок, возвещающий о конце смены.

Она выключила станок. Сняла готовую де-

таль и бросила ее в ящик. Это был стабилизатор мины.

Потом она аккуратно смела щеточкой стружку и вытерла промасленными концами руки. Подняла ящик с деталями, направилась через цех к окошечку ОТК.

Там уже образовалась очередь.

— Ой, девочки, позвольте, а? — взмолилась Саша. — Вот честное комсомольское ни минутки нету!

— Ничего, подождет, — сказала какая-то женщина. — Тут у людей дети с утра не евши, а видишь — стоят.

Маленькая курносая девушка, у которой уже совсем подошла очередь, подняла с пола свой ящик и подошла к Саше.

— Вставай вместо меня, — предложила она, — мне не к спеху.

— Спасибо, — облегченно вздохнула Саша и посмотрела на часы. Было уже четверть пятого.

— Что, ждет? — шепотом спросила девушка.

— Ага, — кивнула Саша.

— Счастливая, — констатировала та. — По глазам видно.

На перекрестке около противотанковых ежей прогуливался Астахов. На противоположной стороне улицы появилась Саша.

— Астахов! — крикнула она и замахала ему своей вязаной шапочкой.

По мостовой, разделяя их, шли машины.

Улучив момент, Саша перебежала улицу и повисла на руках Астахова.

...В пустынном городском парке Саша и Алексей играли в снежки.

Девушки-зенитчицы, стоя у своих орудий, издали смотрели на них... И хотя они улыбались, в глазах их была и грусть, и зависть, и тоска о том времени, которое перечеркнула война...

Рука Саши протянулась к календарю. Прошел еще один день...

Свирепый декабрьский ветер яростно мчал по улицам снег. На столбе из стороны в сторону раскачивался негорящий фонарь. Было уже темно, и улицы казались пустынными.

В какой-то сводчатой подворотне, ведущей в чужой двор, укрывшись от ветра, стояли Алексей и Саша.

— Озябли? — спросил Алексей.

— Нет, — покачала головой Саша.

— А руки? — уличил он. — Я же чувствую, совсем закоченели.

И он стал дуть, согревая ей руки.

— Они уже привыкли у меня, — сказала Саша. — Я еще в прошлом году где-то поселяла варежки.

Алексей расстегнул пуговицы, распахнул свою кожанку и великодушно предложил:

— Пустим-ка их сюда. Пускай греются.

Она спрятала руки под кожанку, ему на грудь.

— Ой, сколько же у вас орденов! — ахнула она.

— Насбалуют, — усмехнулся он. — Чуть что — орден. Ну как, теплее?

— Ага, — прошептала она.

— А я ведь сначала плохо подумал о вас, — неожиданно признался Алексей. — Дай, думаю, повожусь с ней... от нечего делать.

Наступила пауза.

— А вы со многими уже... возились так... от нечего делать? — тихо спросила Саша.

— Бывало, — как-то нехотя ответил он. — Вокруг авиации девочки крутятся... Летят, глупые, как бабочки на огонь. Только те другие... Вы непохожи на них...

— Почему? — еле слышно произнесла Саша.

— Вы чистая и светлая, как первый снег. Я даже не думал, что такие бывают на свете. На улице послышались гулкие шаги.

— Кажется, комендантский патруль, — сказал Алексей. — Сейчас вспипнем.

— Тсс... Не дышите, — посоветовала Саша, — авось пронесет.

И оба затаили дыхание, вслушиваясь в приближающиеся шаги.

Патруль прошел мимо.

— Пронесло, — с облегчением вздохнул Алексей.

— А хотите, я вас поцелую? — сама поражаясь собственной отваге, прошептала Саша.

И точно испугавшись, что через секунду у нее уже не хватит решимости, она обвила обеими руками его шею и поцеловала в губы.

Он обнял ее, притянул к себе и долго молча гладил своей большой рукой ее выбившиеся из-под шапочки волосы.

— Ты знаешь, я ведь еще ни с кем не цлевалась. Только однажды Петю, и то из баловства... — Она опять помолчала и добавила: — Я бы тебя пригласила к нам, но у меня нет ни щепочки дров, а в доме такая адская холодюга.

— Ну, это можно поправить, — сказал Алексей.

Рука с карандашом потянулась к календарю и перечеркнула еще один день.

...По заметенным снегом путям товарной станции шел Алексей. Ноги его в коротких хромовых сапогах то и дело проваливались в глубокие сугробы.

Он обогнул товарный вагон, одиноко стоящий на путях.

Приблизился к огромным, уходящим в темноту, штабелям дров.

Возле них, спрятав руки в рукава шинели, спиной к ветру, стоял часовой.

— Здорово, солдат! — приветствовал его Алексей.

Часовой посмотрел на него и ничего не ответил.

— Что, отморозил себе язык? — подмигнул ему Алексей.

— Сами же знаете, — сказал часовой, — на посту разговаривать не разрешается.

— Ну, а курить-то можно? На, закури, — и Алексей протянул ему папиросы.

Но солдат не польстился на них.

— Если по уставу, товарищ капитан, — сказал он, — я должен вас положить и вызвать сюда начальника караула.

— Положить? А я не лягу.

— Тогда я должен стрелять.

— Стреляй! — весело воскликнул Алексей.

— Ну зачем же вы так, товарищ капитан, — укоризненно произнес часовой, — ведь я тоже человек, и все понимаю. Вы лучше вот подсобите своей, а то она у вас еще надорвется. — И он кивнул куда-то вбок.

Там, стараясь производить как можно меньше шума, Саша вытаскивала из штабеля здоровенное бревно.

— У меня ведь тоже дома своя, — вздохнул часовой, — и тоже, должно быть, так вот цыганит... Я ведь тоже человек... — еще раз повторил он.

— Да, — уже совсем иным тоном сказал Алексей, — ты человек. И дай бог счастья тебе за это.

...Рука с карандашом перечеркнула еще одно число.

Они сидели рядом, плечо к плечу, на низенькой скамейке возле печки и молча смотрели на огонь...

В комнате было темно, огонь догорал, едва мели угли, а на полу лежало последнее полено.

Алексей потянулся за ним и сунул в печь. И тотчас же со всех сторон его обтекли веселые язычки пламени.

— Сейчас оно прогорит, — тихо сказала Саша, — а что будет дальше?

— Дальше? — Алексей поднялся. — Дальше ты ляжешь спать, а я уйду.

Саша тоже поднялась.

— Не уходи, — глядя ему прямо в глаза, твердо произнесла она.

— Нет, — он резко мотнул головой, — этого у нас не случится. Прежде мы с тобой поженимся.

— Смешной, — заговорщики зашептала она, словно открыла ему самую сокровенную тайну. — Нас же никто не распишет: мне еще нет восемнадцати лет.

— Я буду ждать, — сказал Алексей.

— Зачем? — с какой-то непонятной для него грустью усмехнулась она. — Разве главное, что поставят печать? Главное — это любить друг друга. Остальное не имеет значения.

— Может быть, — согласился Алексей. — Но сейчас я пойду. Я завтра лечу... И если мне удастся вернуться...

— Как? Уже завтра? — прошептала она. Ей казалось, что до этого дня еще очень долго.

На стене висел картонный табель-календарь. Там оставалась последняя незачеркнутая клеточка...

— Если вернусь, — повторил Алексей. — Если... Слишком уж как-то все хорошо... Так не бывает...

И снова она сидела одна в пустой нетопленной комнате, взобравшись с ногами на свой любимый диван.

Столик с телефоном был под рукой. Но телефон молчал, и она ждала.

Без четверти шесть раздался звонок.

— Мне Сашу, — сказал в трубке незнакомый голос.

— Слушаю, — ответила она, чувствуя, как вдруг заколотилось сердце.

— Я звоню по поручению капитана Астахова...

— Что с ним случилось?! — крикнула Саша.

— Да не волнуйтесь... Словом, он цел... К вечеру обещал позвонить...

— Что с ним случилось?

— Ничего. Слушайте утром «Последние известия»...

— ...около восьмидесяти повозок с боезапасом, — слышалось в репродукторе. — Летчик-истребитель гвардии капитан Астахов, израсходовав боезапас, пошел на таран немецкого бомбардировщика «Юнкерс-88» и сбил его. Советский летчик остался жив.

Саша стояла на улице у столба и слушала сообщение. Дослушав все об Астахове, она побежала к трамвайной остановке.

Летчики товарища Трофимова, — неслось ей вслед, — действующие на юго-западном фронте, совершив ночной налет...

Причесанная и одетая в новое платье, Саша сидела у столика с телефоном и ждала звонка, как ждут свидания с любимым человеком.

Без четверти восемь раздался звонок. От волнения Саша не поняла, что звонят в передней.

Она схватила телефонную трубку, бросила ее и кинулась к двери.

Рванула дверь на себя и спрятала лицо на груди Алексея.

Глаза ее были полны слез и мешали ей видеть.

— Ну, Сашка! Сашенька! — успокаивал ее Алексей. — Ничего ж не случилось...

— Это я так, — шептала она, — не обращай внимания... Это пройдет...

А слезы, помимо воли, застилали глаза, мешали ей видеть...

Он взял ладонями ее лицо и поднял к себе...

— Какой ты грязный! — ахнула она. — Ты горел?

— Немножко было.

— Тебе надо умыться...

— Нет, нет! — перебил он. — Я на минутку. Я еще не был в части.

Наступило молчание.

— Сегодня ты никуда не уйдешь... Сегодня ты мой... — тихо произнесла она.

— Нет, — он замотал головой, — это невозможно... Я же на службе... Война...

— Я тебя никому не отдам, — продолжала она, и голос ее становился все тверже и твер-

же, — сегодня ты мой... Только мой... Слышишь? Тебе надо умыться... Сейчас ты отдохнешь... Пообедаешь... А утром пойдешь в часть из дома...

— Как ты сказала?

— Да... Пускай это будет нашим домом... Алексей молчал.

— Ты любишь меня?.. — Она смотрела ему в глаза. — Тогда ты останешься...

— Нет... Нет, я не могу, Саша...

Чувствовалось, что в нем происходит мучительная борьба.

— Ну позвони в часть, — умоляла она, — но придумай что-нибудь... Ну обмани...

— Нет, я не могу обманывать...

— Но ведь иногда можно...

— Нет...

У нее опустились руки, она отстранилась от него и смотрела полными слез глазами.

Он обошел ее, потянулся к телефону и набрал номер.

— Тринадцатый? Докладывает Астахов... Нет, нет — в городе...

У Саши остановилось дыхание.

— Разрешите мне остаться до утра дома... Нет, не родные... Жена... Сашенька... Спасибо, передам... Слушаюсь...

...Раскинувшись на кровати, спал Астахов. Саша сидела рядом, поджав под себя ноги, и прислушивалась к его ровному дыханию... На ней была полотняная мужская рубашка, оставшаяся от отца...

Потом ее веки стали постепенно смыкаться, и она прилегла рядом и стала смотреть на него сбоку...

Потом она обняла его...

Когда Саша проснулась, подушка рядом с ней была пуста...

Может быть, все это только приснилось?

И снова, устроившись на диване и придвинув к себе телефон, она ждала.

«Тик-так, тик-так», — убаюкивающе тикал маятник.

Три часа... Четыре... Пять... Шесть...

За окном слабо забрезжил рассвет.

Телефон стоял на той же тумбочке и молчал.

Саша смотрела на него. Долго, мучительно долго.

Наконец она почувствовала, что нет уже сил пребывать в этой щемящей душу неизвестности. Решительно протянула руку и набрала номер.

— Дежурный по части майор Ковшов! — бодро ответили по ту сторону провода.

Саша опустила трубку на рычажок. Поднялась. Сунула ноги в валенки и стала надевать пальто...

...Токарный станок оттачивал деталь. Туже самую — стабилизатор мины.

Саша молча следила, как движется деталь взад и вперед, как закручивается в спираль

блестящая стружка. У нее были зареванные, припухшие глаза.

Подбежала курносая девушка и стала что-то кричать ей, но мешал шум станка.

Саша остановила станок.

— Так и не позвонил? — спросила девушка.

Саша отрицательно качнула головой, и на глаза ее опять набежали слезы.

— Теперь чего уж, плачь не плачь, — вздохнула курносая. — Сами мы девки во всем виноваты.

Взяла стружку, повертела в руках.

— А у вас с ним было чего-нибудь? — спросила она осторожно.

Саша кивнула.

— Дура!.. Ой, какая ж ты дура!

— Нет, — тихо возразила Саша. — Я не жалею ни о чём. Даже если больше ничего не будет...

В проходе между станками появился мастер. Он направлялся к Саше.

— Львова, — мягко произнес он. — Тебя там кто-то спрашивает в проходной. Так ты ступай.

Не помня себя, она бежала через цех. Сунув на бегу пропуск вахтеру, вылетела на улицу...

У проходной стоял какой-то военный. И от одного взгляда на его лицо у нее замерло и остановилось сердце.

— Сашенька, — сказал военный. — Только вольмите себя в руки...

У нее под ногами закачалась земля...

В просторном помещении, где, очевидно, находилась офицерская столовая, а теперь вынесли мебель, было очень много народа.

На стене, увитой черным крепом, висел портрет Алексея.

Он улыбался. На нем ладно сидела кожаная куртка на молнии.

Где она видела этот портрет?

Ах да, давно, еще до войны, на обложке журнала «Огонек».

Внизу, под портретом, вместо гроба возвышался холмик свежей хвои, на вершине которого лежала его фуражка. У подножия холмика на продолговатой красной подушке покоились боевые ордена.

Духовой оркестр, сгрудившись в углу, играл траурный марш Шопена.

«Указ Президиума Верховного Совета, — читал чей-то хрипловатый голос. — В ночь с тридцатого на тридцать первое декабря в не равном бою с самолетами противника геройски погиб летчик Н-ского авиасоединения гвардии капитан Астахов.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

За беззаветное мужество и отвагу, проявленные в боях при защите свободы и независимости нашей Родины, наградить гвардии капитана Астахова Алексея Александровича орденом Красного Знамени посмертно...»

Оркестр заиграл торжественное и громче.

Кто-то, стоявший рядом с Сашей, плакал, кусая кулак.

Еще кто-то справа тоже вытирая слезы,

у Саши были сухие глаза. Что-то тяжелое комом застряло в горле, мешая слезам выплыть наружу.

Она неотрывно смотрела на портрет, увиденный черным крепом.

Он улыбался с портрета.

Подошел какой-то полковник и что-то начал говорить, но она ничего не слышала.

— Остались вещи и сберегательная книжка, — словно сквозь вату дошло до нее.

— Мне нужен был только он, — тихо сказала она. — Зачем мне его вещи и его книжка?

И опять взад и вперед ходила деталь. Саша работала.

Гулко разнесся заводской гудок,озвеневший о конце смены...

Саша выключила мотор да так и осталась стоять у станка.

Глаза ее были устремлены в одну точку и не выражали ничего.

Подошла сменщица — женщина лет пятидесяти пяти.

— Здравствуй, — сказала она.

Саша кивнула.

— Ты чего-нибудь ела?

— Да.

— Ступай домой...

— Иду.

Саша медленно побрела через цех. Курносая девушка, проводив ее взглядом, взяла Сашин ящик и направилась к окошечку ОТК...

Так же медленно Саша шла по улице. Не глядя, стала пересекать мостовую...

Какая-то машина обогнула ее. Какой-то грузовик затормозил в полуметре.

— Глядеть надо по сторонам! Ходят! — высунувшись, крикнул шофер.

Саша не обернулась. Кто-то случайно толкнул ее.

Она не заметила.

На углу, у здания кинотеатра, было совсем пусто. Шла старая, довоенная картина.

«Истребители» — прочитала Саша. Остановилась возле витрины и стала рассматривать засиженные мухами фотографии.

...Это был тот же зал, в котором они когда-то сидели с Петей. Старая картина и дневной сеанс собрали немного зрителей. Несколько передних рядов оккупировали мальчишки. На задних было совсем пусто.

Знакомый артист на экране пел о любимом городе, который может спать спокойно и видеть сны среди весны.

А Саша ничего не видела. Сплошной мутной пеленой взор ее застилали слезы.

Она старалась сдержать себя, но это оказалось выше ее сил. Она всхлипывала все громче и громче и разрыдалась в голос.

С передних рядов, отвернувшись от экрана, мальчишки с удивлением смотрели на нее.

Наконец она встала и через весь зал побежала к выходу.

Поднялась домой по старой, скрипучей лестнице.

Подошла к двери.

В дверях торчала записка. Взяла ее, развернула. Это была телеграмма.

«Сегодня 20.45 проследуем через Товарину. Возможна короткая остановка. Целую. Папа».

Саша открыла дверь, вбежала в комнату. Часы показывали без четверти восемь.

В полной растерянности остановилась посреди комнаты.

И вдруг увидела единственное их богатство — банку с вареньем, стоящую в буфете за стеклом.

Отчаянно дернула на себя дверцу. Дверца не поддавалась — буфет был заперт.

Тогда, не раздумывая, схватила со стола чугунную пепельницу. Стекло разлетелось вдребезги.

На маленькой дачной платформе толпились сотни женщин. Многие держали на руках детей.

Говор, шум, смех, детский плач, толкотня. И волнение. Страшное волнение... Все были празднично возбуждены. Наспех, пока не подошел эшелон, в сотый раз поправлялись прически, маленькое зеркальце ходило по рукам... Женщины оставались женщинами!

Работая локтями, Саша протискивалась через толпу, пытаясь пробиться к краю платформы.

Маленькой черной точкой показался вдали паровоз.

Кто-то крикнул:

— Едут!

И часто-часто застучали сердца и воцари-
лась такая тишина, как будто платформа
вдруг опустела.

А поезд все приближался и приближался.
Вот уже на стрелке загудел паровоз и, не
сбавляя хода, ворвался в границы станции.

И Саша не сразу поняла — что же про-
изошло? Стуча колесами, желтоватые вагоны
проносились мимо:

— Надя!

— Володя!

— Петенька, мы здесь!

— Зоя! Зоенька!

— Галина Аркадьевна, вот он я! Вот я!

— Вера! Передай маме...

— Егор! Господи, Его-ор!

— Осторожнее!

— Не надо!..

— Ви-инька!

А колеса стучали, стучали, и тонули в их
стуке разноголосые крики.

Саша бежала по платформе, не видя пе-
ред собой ничего. Выскользнув из рук, разби-
лась банка с вареньем.

— Папа! — крикнула она в безнадежную
пустоту. — Папка!

А мимо летели вагоны — желтые, серова-
тые, бурые...

Добежав до конца платформы, она схва-
тилась рукой за железные прутья ограды.

Мигая красным сигнальным огоньком, уно-
сился вдаль последний вагон эшелона.

Этот огонек стал расти в ее глазах до не-
правдоподобной величины, пока не заслонил
себой сознание...

Очнулась она от прикосновения чьих-то
рук. Кто-то укладывал ее на носилки.

Саша слегка приоткрыла глаза.

Стоя на корточках возле нее, сухонький и
седенький врач говорил наклонившемуся к
нему санитару:

— Думаю, ничего опасного. Обычный об-
морок — она беременна.

И вот ужে Саша шла по коридору родиль-
ного дома. Лицо у нее осунулось, фигура
стала еще тоньше, и вся она выглядела какой-
то поблекшей.

Возле дверей с большими матовыми стек-
лами, ведущими в вестибюль, остановилась,
ожидая нянечку.

Та появилась откуда-то сбоку, неся на ру-
ках завернутого в одеяльце ребенка.

— Держи своего молодца, — улыбнулась
она. — И с богом!

Но Саша не взяла ребенка.

— Это не мой, — сказала она. — У меня
не было такого одеяльца.

— Да твой, твой, можешь не сомневаться,
а одеяльце это летчик принес.

— Летчик? — одними губами произнесла Саша. — Какой летчик?!

— Да вон он — стоит, ждет...

Прижимая к груди ребенка, Саша бросилась в вестибюль.

В вестибюле стоял Петя.

На нем была офицерская шинель с погонами старшего лейтенанта. Пуговицы были расстегнуты, из-под шинели проглядывала выцветшая хлопчатобумажная гимнастерка с нашивкой за ранение и орденом «Отечественной войны».

— Поздравляю тебя, — сказал Петя. — Сын?

Саша кивнула.

— Я приехал на двое суток. А теперь уже осталось два часа с небольшим. Но главное я успел: я тебя видел.

— Спасибо тебе, Петья, за все, за все. — На глаза ее навернулись слезы.

— Можно мне понести? — спросил он после долгой паузы.

Она передала ему ребенка.

На улице уже стояла осень, и дворник сметал в кучу багряные листья...

Петя вошел в комнату.

Он опустил ребенка на диван и бережно поправил одеяльце.

Подошла Саша, присела рядышком.

— Спит, — сказала она.

— Спит, — согласился Петя.

Больше им говорить было не о чем.

— А тебе будет трудно с ним, — после долгой паузы произнес он.

— Почему? Разве это называется трудно? Трудно потерять человека... Можно даже сойти с ума... Я же почти счастливая, Петья!

— Ты здорово изменилась с тех пор.

— Нет. — Саша отрицательно мотнула головой. — Все та же, и ты тот же. Просто мы вдруг повзрослели. На тысячу лет...

Снова воцарилось молчание.

Петя посмотрел на часы и стал застегивать пуговицы шинели.

— Уже пора, — сказал он.

Потом, расстегнув булавку, достал из кармана плотную пачку сторублевок и положил ее на краешек стола.

— Что это ты выдумал?

— Бери, пригодятся.

— Сейчас же спрячь, слышишь!

— Тише, — остановил ее Петя. — Разбудишь, — и кивнул на ребенка.

Деньги лежали на столе.

— У меня много денег, — как бы оправдываясь перед ней, сказал он. — Я просто не знаю куда их девать.

— Убери! — упрямко отрезала Саша.

— Тогда я выброшу их в окно!

— Выбрасывай!

Петя спрятал деньги. Лицо его приняло обиженное выражение, брови сошлись к переносице, и вдруг он расплакался, как мальчишка.

Она подошла к нему и заглянула в глаза.

— Глупый, до чего же ты глупый! Все это

было детство и чепуха. Это как корь или краснуха. Каждый должен переболеть... А у взрослых не бывает кори... И не нужно выдумывать ее... Ты понял, не нужно, Петя.

Заплакал ребенок. Саша скинула пальто и, отвернувшись от Пети, стала кормить.

...И опять работал токарный станок, обтачивая стабилизатор мины.

Ровно в четыре часа тот же самый гудок возвестил о конце смены.

Уверенными, привычными движениями Саша остановила станок, сняла готовую деталь и бросила в ящик.

Она оказалась в очереди пятой. И тотчас же за нею выстроился длинный хвост.

Откуда-то сбоку подошла девушка. Ей было лет семнадцать, но тоненькая и хрупкая — она выглядела совсем ребенком.

— Простите, — робко произнесла она. — Вы не позволите?.. Ну... в общем... мне очень спешно...

— Ничего, он подождет, — заметила одна из женщин.

Это окончательно смущило девушку, и, подняв свой ящик, она отошла.

— Погоди, — догнала ее Саша, — становись вместо меня.

— Да нет, что вы, — возразила девушка, — успею...

— Торопись, слышишь, торопись, — горячо зашептала Саша, — а то потом будешь жалеть, а ничего уже не вернется...

...Потом она стояла в очереди за хлебом.

— Вам? — вывел ее из задумчивости голос продавщицы.

— Рабочая и детская за два дня. — Саша протянула карточки.

На прилавок легла буханка черного хлеба. Саша попробовала его на ощупь.

— Утренний, — сказала продавщица.

...Потом она бежала к остановке трамвая. Какой-то юноша поддержал ее, и она вскочила уже на ходу.

...Потом пересекла двор, подошла к лестнице... Была уже ночь...

...Она вошла в темную переднюю и остановилась на пороге.

— Егорка!

Никто не побежал навстречу.

— Егорка! — громче позвала Саша. Опять никакого ответа.

Дотянулась до выключателя, зажгла свет. В передней никого не оказалось.

Рванулась в гостиную. Щелкнула выключателем. Мальчика не было и там.

Кинулась в детскую. Никого.

— Егорка! — в отчаянии крикнула она. — Егорушка!

Как загнанный зверь, Саша металась по квартире, заглядывая под кровать, под стол, за шкаф.

— Господи, — шептала она, — господи, что ж это такое!

Бросилась обратно в переднюю. Распахнула дверь в ванную, затем в кухню.

Там на полу, среди разбросанных мисок и

сковородок, свернувшись калачиком, спал мальчик.

Саша увидела его, и из горла ее вырвался глухой стон.

Мальчик проснулся. Он сонно зевнул и потянулся к ней. Она подхватила его на руки, прижала к себе, стала покрывать поцелуями. Целовала глаза, перепачканные ручонки, ноги в продранных на коленях чулках.

— Радость моя, — шептала Саша. — Единственный мой...

— Не надо плакать. — Он вытер ей ладошками щеки.

— Я не буду.

На полу валялась свернутая в трубочку тетрадка. Саша подняла ее и раскрыла. Это были Митинны записи. Бумага уже пожелтела от времени, и чернила успели поблекнуть.

— Я нашел там, — Егорка показал в сторону гостиной.

Она притянула его к себе.

— Нужно жить. Ты понимаешь, Егорка? Жить во что бы то ни стало. До самой последней минуты...

Саша лежала на спине с открытыми глазами. Егорка, положив ей голову на руку, сладко посыпал во сне.

Осторожно, чтобы не потревожить его, повернулась на бок и переложила голову мальчика на подушку.

За окном послышался шум, чьи-то крики, звуки радио.

Шлепая по полу босыми ногами, Саша подбежала к окну, подняла бумажную штору, толкнула створки.

Впервые за долгие годы горели фонари.

— ...«безоговорочной капитуляции», — доносился обрывок радиопередачи.

— Вставайте! — кричал кто-то на улице. — Победа, товарищи, победа!

— Чего это, мама? — поднявшись на кровати, спросил проснувшийся Егорка.

— Спи, мальчик, спи. Сегодня кончилась война.

— А что бывает, когда кончается война? — спросил Егорка.

— Бывает мир... И все солдаты возвращаются домой...

Голос у нее дрогнул.

Вокруг царила обычная вокзальная толчея. Кто-то обнимался. Бежали куда-то носильщики. К почтовому вагону подкатывали грузовую тележку.

Сыпал мелкий снежок и тут же таял.

— Люся! Люська! — крикнула Саша.

В окне вагона появилась Люся. Она замахала рукой, исчезла и тотчас же появилась снова, но уже на площадке. И в этот момент кто-то сзади обнял Сашу. Перед ней стоял незнакомый юноша. Он был худощав и нескладен. Рукава потертого пальто едва доходили до локтей.

— Эх ты, не узнала! — рассмеялся он. — Так это же я, Сережа!

А Саша только изумленно покачивала головой. Потом она расцеловалась с Люсей...

Подбежал какой-то полный мужчина в широком пальто с барашковым воротником.

— Это Сашенька, — сказала Люся. — А это Николай Авдеич — я тебе писала о нем...

Николай Авдеич поставил к ногам Саши два чемодана и снова скрылся в вагоне...

Люся вбежала в квартиру первой. Она осмотрелась вокруг, вздохнула, и на глаза ее набежали слезы.

— Боже мой, снова дома! Сон!..

За ней появились Николай Авдеич, Сережка и Саша.

Николай Авдеич опустил тяжелый тюк на пол, снял шляпу и вытер платком потную лысину.

— Только не посреди комнаты, ради бога! — заметила Люся.

— Не командуй! — отрезал Николай Авдеич и стал пересчитывать вещи. — А где чемоданы? — оглянулся и с беспокойством спросил, обращаясь к Сережке.

— Там, — Сережка неопределенно мотнул головой.

— Где там?

— Внизу.

Схватив за руку Сережку, Николай Авдеич скрылся за дверью.

Глядя им вслед, Люся рассмеялась и, обняв Сашу, увлекла ее в детскую.

— А Егорушка где? — спросила она.

— В детском саду. Я отдаю его на пятидневку.

— Ну и худющая ты стала! Просто жуть... Сестры посмотрели друг на друга и обнялись.

— Люська!

— Господи! — вырвалось у Люси.

— Как же ты? — тихо спросила Саша.

— А что? — освобождаясь от ее объятий, воскликнула Люся. — Он любит меня... И вообще мы с Сережкой обязаны ему жизнью... Если бы не он, то...

— Да, но ведь он же... — Саша осеклась.

— Что он? Старый? Нет! Для мужчины он вовсе не стар...

— А как же Митя?

— А что Митя! Я живу на земле, а не на небе... Это тебе хорошо рассуждать, сидя тут, дома!.. А у меня Сережка был на руках... Мы там все с голода чуть не передохли!..

В комнату, неся чемоданы, вошли Николай Авдеич и Сережка.

Поставив чемодан, Николай Авдеич поманил к себе пальцем Люсю, и они стали о чем-то шептаться в передней.

— Вот что, — сказала Люся, — чтобы между нами не было недоразумений, давайте сейчас же поставим все точки над «и». Я старшая и возьму себе вот эту комнату. Ты не возражаешь?

— Нет, пожалуйста, — ответила Саша.

— А ты будешь жить с Егорушкой там, — Люся кивнула на детскую.

— А где я буду жить? — усмехнувшись, спросил Сережка.

Наступило неловкое молчание. О Сережке забыли.

— Ты? А-а... Вот! — Люся побежала в прихожую. — Мы возьмем и эту дверь заколотим! Тут поставим ширму... А ходить станем там... Черным ходом... Ну разве не здорово?

Никто не ответил. Только Сережка много-значительно посмотрел на Сашу.

...И опять шло время...

На клумбе уже зазеленела трава, и воробы купались в весенних лужицах.

Петя сидел на скамье и смотрел на них. Его окрепшую, возмужавшую фигуру ладно облегал кожаный реглан, и новая цигейковая ушанка лихо съехала набекрень.

Саша еще издали узнала его и замедлила шаг.

В душе у нее боролись противоречивые чувства — она и хотела этой встречи и безответно страшилась ее.

Он повернул голову, глаза их встретились. Бежать уже не имело смысла.

— Здравствуй, Саша.

— Здравствуй, — как-то нехотя ответила она.

И опять, как обычно во время их последних встреч, наступила неловкая пауза.

— Ты ждал кого-нибудь? — спросила Саша, хотя отлично знала, что он ждал ее.

— Ждал.

— Кого? — стараясь казаться равнодушной, спросила Саша.

— Тебя, — сказал Петя. — Ты же знаешь. И то, что я уже месяц в городе, тоже знаешь, и то, что как мальчишка бегаю за тобой...

— Ты демобилизовался? — спросила она, чтобы перевести разговор.

— Меня отозвали с фронта, — с готовностью стал рассказывать он. — Направили испытателем на сорок восьмой.

— Будешь летать?

— Должно быть.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Саша достала ключ и открыла дверь.

В передней навстречу им бросился подрослевший Егорка.

— А ты говорила, что поздно придешь, — вопросительно глядя на Сашу, сказал он.

— А я вот взяла и пришла рано, — улыбнулась она. — Ты разве не рад?

— Рад, — согласился Егорка.

— Садись, — предложила Саша, придвигнув к Петя табуретку. — Сейчас я поставлю чайник.

«Любимый город может спать спокойно, — напевал Егорка, — и видеть сны и зеленеть среди весны...».

Он с каким-то подчеркнутым вниманием рассматривал Петю, переводя взгляд с него на обложку «Огонька», висевшую на стене, и обратно. И под взглядом этих мальчишеских глаз всю Петину решимость как рукой сняло.

Но он взял себя в руки и, подмигнув по свойски, поманил к себе Егорку.

— Давай знакомиться, что ли?

У Егорки сузились глаза.

— А я знаю, кто ты, — вдруг произнес он. — Ты папа?

Петя почувствовал, что кто-то железной ладонью стиснул ему горло. Он бросился к Егорке, подхватил его на руки, и тот, обвив худыми ручонками его загорелую шею, доверчиво прижался к нему.

— Нет! Не-ет! — в отчаянии крикнула Саша. — Не-ет!

— Я знаю, ты любила этого человека... — не спуская с рук Егорку, горячо шептал Петя. — А меня ты не любила. Никогда. И сейчас не любишь. Ну и что же? А может быть, достаточно, что я тебя люблю? Бывают же и такие — несчастливые браки? Все-таки это лучше, чем ничего. Ведь годы, годы уходят, Саша...

— Не смей! Не смей! — задыхалась Саша. — Кто тебе позволил? Кто?

— Вся моя жизнь. — Глаза у Пети были полны слез. — Вся жизнь, Саша. Не было дня, чтобы я не думал о тебе, начиная с седьмого класса... Саша, милая, он же погиб. Это уже никогда не вернется. Ему не поможет твоя тоска... И этот подвиг ему не нужен.

Он опустил на пол Егорку. Дрожащими руками сунул в рот папиросу и долго не мог прикурить, ломая спичку за спичкой. Саша следила за ним глазами.

— Может, не сейчас... Через год или два...

Я подожду... Только не будем зарекаться, Саша.

Он взял ее за локти, но она с ужасом вырвалась от него.

— Нет, — задыхаясь, прошептала она. — Никогда! Слышишь ты — никогда! Даже не думай об этом, Петя!

— Извини, — сказал Петя и направился к двери.

— Петя, постойте, — остановила его в дверях Люся. Но он прошел мимо.

— Дура! — воскликнула Люся. — Боже мой, какая же ты дура! Ты что же думаешь, что найдешь мужа лучше?

— Не вмешивайся! — крикнула Саша, прижимая к себе Егорку.

— Сашка! Ведь он же любит тебя! Любят!

— Не вмешивайся!

— С таким характером ты никогда не будешь счастлива! Никогда! Слышишь?

Саша повернула к ней зареванное лицо.

— Я была счастлива!.. Очень... Ты этого не знала!..

Прихожая была перегорожена ширмой. За ширмой стояла тахта.

Саша скинула туфли, взобралась с ногами и, придвинув поближе настольную лампу, стала зашивать продранные Егоркины штаны.

И вдруг там, на старой лестнице, под чьими-то шагами стали скрипеть ступени.

Саша вздрогнула. Что это — показалось? А шаги на лестнице звучали все отчетливее и

отчетливее. Вот уже кто-то поднялся на площадку, остановился перед дверью, и впередней задребезжал звонок.

— Кто там? — спросила Саша. — Эта дверь заколочена. Пройдите, пожалуйста, через двор, черным ходом... Вы слышите, черным ходом.

И тут, качнувшись в ее глазах, стены начали медленно переворачиваться.

— Саша, — услышала она из-за двери. — Саша!

Если бы одновременно зазвучал миллион голосов, она бы не спутала ни с каким другим этот голос.

— Саша! — это уже был не зов, а стон, прорвавшийся сквозь сдерживаемые рыдания.

Ей хотелось крикнуть, но что-то стиснуло горло, и оттуда вырвался только хрип.

Их разделяла дверь. И, прижавшись к ней по ту и другую сторону, они стояли в каком-то оцепенении, боясь, что рассеется, рассыплется вдруг во прах это сладостное нахождение.

— Саша... Саша... Саша, — шептал из-за двери он.

А у нее темнело в глазах, сознание то проваливалось, то возвращалось снова, и только дверь, к которой она прильнула всем телом, мешала ей упасть.

Наконец она нашла в себе силы ответить:

— Ты стой... Ты не двигайся... Я сама... я приду... я сама...

Она бежала через комнаты, мимо кухни, задевая мебель.

— Саша, куда ты? Саша! — испуганно крикнула Люся.

По черной лестнице, улицей, через двор... С площадки он бросился к ней. Но она так и не добежала до него, упала на пыльные грязные ступени, задыхаясь от прорвавшихся рываний.

Он схватил ее, притянул к себе, спрятал свое лицо где-то между ее плечом и шеей, и так они замерли на этих ступенях в какой-то неудобной позе, в пыли, среди паутины, но опять вместе...

— Сашка...

— Не надо ничего говорить...

...Они шли бессознательно, в каком-то полусне, все еще не в силах осмыслить реальность происшедшего.

Пересекли двор, вышли на улицу.

Горели фонари. Было довольно многолюдно. Их толкали, задевали плечами — они не замечали этого.

Алексей был в короткой довольно поношенной английской шинели, в стоптанных солдатских башмаках западного образца и в гетрах.

На нем не было головного убора. Поэтому так очевидно бросалась в глаза его седина. Через все лицо, наискосок ото лба до щеки, тянулась глубокая вмятина шрама.

— Ты ждала меня? — спросил он.

— Нет.

— И у тебя не было никакой надежды?

— Нет.

И снова шли молча. Из улицы в улицу, Все меньше и меньше прохожих попадалось навстречу.

— Как ты жила тут? — осторожно спросил Алексей.

Саша посмотрела на него и медленно покачала головой.

— Никак.

...Прошли одну улицу, другую, третью... И шаги гулко отдавались на абсолютно пустынной улице.

— Я боялся одного, — сказал он, — что не застану тебя в живых. Ты жива — остальное уже не важно.

Миновали какие-то окраинные домики. За ними поднималась насыпь железной дороги. Обдав паром, промчался крохотный маневровый паровозик и скрылся в темноте.

— Куда мы идем? — спросила Саша.

— Что? — Алексей беспомощно огляделся по сторонам. — Не знаю.

Наступила пауза. Они стояли друг против друга, окруженные темнотой.

— Я тысячу раз спрашивал себя там — что нужно мне, чтобы почувствовать себя счастливым? И всегда представлялось одно: ты, я и четыре стены... Не так много, не правда ли? — Он помолчал и добавил совсем тихо: — Но четырех стен нет...

Она смотрела на него пристально и долго. Он притянул ее к себе, и она прижалась щекой к грубому сукну его солдатской шинели.

— Пойдем, — сказала она.

Он понял, что она имела в виду.

— А это удобно? — спросил он.

— О чём ты говоришь? — Саша подняла к нему глаза, полные слез. — Это же все не главное... Главное, что опять есть ты... Ты...

Они ощупью пробирались в темноте.

Миновали кухню, потом переднюю, прошли в гостиную.

На диван спала Люся.

— Кто тут? — приподнялась она.

— Я, — ответила Саша.

Она приоткрыла дверь в детскую и пропустила Алексея.

— Ты не одна? — В голосе Люси прозвучало изумление.

— Нет, не одна. Спи. — И Саша скрылась за дверью.

Алексей стоял посреди комнаты, плохо ориентируясь в темноте.

— Саша, — позвал он, протягивая к ней руки. Она нашла его и стала один за другим расстегивать крючки на его шинели.

— Вот и все, — сказал он, — четыре стены, ты и я — как это просто.

Он взял ее за плечи. Голова ее запрокинулась. Она слышала у самых губ его жадное и прерывистое дыхание.

— Погоди, — прошептала она, чувствуя, что от ощущения его близости у нее начинает кружиться голова. — Погоди, — повторила она, делая над собой нечеловеческое усилие.

Наконец ей удалось освободиться от его объятий. Не выпуская его руки, она подвела Алексея к детской кроватке, стоящей у стены.

Откинула занавеску. За окном раскачивался одинокий фонарь. Он то вырывал из темноты лицо спящего Егорки, то погружал его снова во мрак.

— Вот. Это твой сын,—тихо сказала Саша.

Вцепившись обеими руками в железные прутья кроватки, Алексей неотрывно смотрел на ребенка.

И вдруг он не выдержал, из груди его вырвался хрип, он прижался лбом к холодной перекладине кровати и зарыдал. Все, что эти годы капля за каплей копилось в душе, сейчас выплеснулось наружу.

Он старался сдержать себя, он боялся разбудить мальчика, но это оказалось выше его сил, он всхлипывал громко, по-мужски, всем телом.

Мальчик проснулся. Приподнявшись, испуганными глазенками смотрел на Алексея.

Саша склонилась к ребенку, уложила.

— Спи, сына мой, спи, это вернулся папа...

...И вот они лежали рядом—уставшие и немножко растерянные после прошедшего.

За окном уже начинало светать.

— Самое трудное было—пережить эту ночь,—сказал Алексей.—Я боялся, что все рухнет...

— Ничего не рухнуло,—тихо произнесла Саша.—Мы пережили ее. И мы опять вместе.—Наступила пауза.—Мы...—вдруг повторила она, вслушиваясь в звук собственного голоса.—Мы... Мы... Мы... Боже, какое же это слово!

Она спрятала голову у него на груди, и он гладил ее разбросанные по спине волосы... Плечи ее стали вздрогивать.

— Не плачь.—Голос Алексея задрожал.—Ты слышишь, Саша!

— Я не плачу.

Она подняла к нему мокрое лицо. Он вытер ладонью ей щеки.

Саша неслышно коснулась пальцами его лица и осторожно провела по шраму.

— Это когда они сбили тебя?

— Нет, потом — в Бухенвальде.

И снова воцарилось молчание. Где-то внизу, в первом этаже, зазвонил будильник. Через улицу ему откликнулся второй...

Они прислушивались к этим звонкам. Будущее было туманным и неопределенным.

Она спрятала голову у него на груди и затихла. Молчание длилось долго.

— А хорошо лежать вот так,—прошептала она, чувствуя, что сейчас разрыдается.

Заставив их вздрогнуть, затрещал будильник. Он звонил на тумбочке, возле кровати.

— Отвернись,—попросила Саша. Она вынырнула из-под одеяла и накинула на себя халатик.—Уже пора на завод.

Часы показывали половину шестого...

Медленно вращался локатор... Шумела под ветром листва. Небо было голубым и бездонным.

Женщина все так же стояла на дороге и смотрела вверх.

Саша пересекла двор и поднялась по лестнице.

В гостиной сидели Люся и Николай Авдеич. Они пили чай.

— Алеша дома? — спросила Саша.

— Нет, не приходил, — ответила Люся.

— Господи! — вырвалось у Саши. Она тяжело опустилась на диван.

— Что с тобой? — встревожилась Люся. — Опять что-нибудь случилось?

— Нет, ничего.

— Налить тебе чаю?

— Спасибо, — Саша отрицательно мотнула головой.

— А может, все-таки выпьешь стаканчик?

— Не хочу.

— Да что вы так беспокоитесь о нем! — произнес Николай Авдеич. — Должно быть, в своем излюбленном месте, напротив — в пивной.

— Не смейте! — крикнула Саша. — Слышите, я запрещаю вам так говорить!

— Ради бога, простите! Право же, я не знал, что для вас это такая уж новость!

— Только умоляю, не нужно ссориться, — вмешалась Люся.

— Господь с тобой, кто же ссорится? — улыбнулся Николай Авдеич и развернул газету.

— Егорка спит? — спросила Саша.

— Спит, — кивнула Люся. — Тебе налить еще? — обратилась она к мужу.

— Пожалуй, — согласился тот.

Саша встала и направилась к двери.

— Минуточку, — откладывая газету, остановил ее Николай Авдеич. — Раз уж мы начали этот неприятный разговор, давайте доведем его до конца. Тем более я давно собираюсь поговорить с вами об этом.

— О чем? — глухо спросила Саша.

— Об Астахове.

— А какое вам дело до него?

— Ну зачем же так грубо, Сашенька? Вы же знаете, как хорошо мы с Люсей относимся к вам.

— Допустим.

— Так вот, — продолжал Николай Авдеич, и лицо его стало медленно наливаться краской. — Я буду прямолинеен, — он отхлебнул чаю и поставил стакан на место. — Пребывание Астахова в нашем доме бросает тень прежде всего на вас, Сашенька...

— Астахов — мой муж, — перебила Саша.

— Ну какой же он муж, — мягко возразил Николай Авдеич, — это же несерьезно. Вы с ним даже не зарегистрированы в загсе.

— Вас это меньше всего касается!

— Согласен, — все с той же мягкой улыбкой произнес Николай Авдеич. — Я уже не говорю о том, что может дать вам этот опустившийся тип, этот...

— Николай, перестань! — дернула его за рукав Люся.

— Нет, пусть продолжает, — одними губами произнесла Саша.

— Я уж не говорю об этом, — все больше и больше волнуясь, продолжал Николай Авдеич. — А не приходило ли вам в голову, что у

этого человека может быть весьма сомнительное прошлое и прочее, и прочее, и прочее, о чем мы с вами даже не имеем понятия?

— Нет, не приходило, — с трудом сдерживаясь, произнесла Саша.

— А напрасно! — покачал головой Николай Авдеич. — А между тем все это может быть чревато тягчайшими последствиями... Если хотите знать, у меня на работе уже начинаются неприятности.

— Какие?

— Ну, там... — замялся он. — Не важно. Ну, я понимаю, конечно, война... У каждого из нас могло быть...

— У вас ничего не могло быть! Вы просидели в Алма-Ате!

— Я находился там по состоянию здоровья! И не вам об этом судить! Девчонка! Нет, ты слышала? — Он порывисто обернулся к Люсе. — Привела, понимаешь, в дом какого-то типа и принуждает меня жить с ним под одной крышей!

— Никто вас не принуждает! — крикнула Саша. — Можете убираться к черту!

— Что?! — опешил Николай Авдеич. — То есть как это — убираться!.. Куда убираться?.. Я у себя дома!

— Это квартира моего отца. И если бы папа был жив... если бы папа был жив... — к горлу ее подступили слезы, она не могла продолжать.

Люся тоже расплакалась. Она подбежала к Саше, обняла ее.

— Ну что ты... что ты... Ну разве ты не

чувствуешь, что все тут тебе желают добра... Порви с ним... Порви... Вас же ничего не связывает... Вот увидишь, как сразу же станет легко...

— Ну что вы лезете в чужую жизнь? — сквозь слезы произнесла Саша. — Кто вас об этом просит? Он мой! Что бы там ни случилось... Мой! Мой! Мой!

— Здравствуйте, Алексей Александрович! — как ни в чем не бывало поздоровался Николай Авдеич. Саша обернулась.

В дверях стоял Астахов.

— Добрый вечер, — ответил Алексей. — Что здесь происходит?

— Нет-нет, ничего, — сказала Саша. — Просто я беспокоилась, что тебя долго нет.

— Ну ты же знаешь — я работаю...

Он обнял ее, и они скрылись в детской.

— Подлец! — бросил ему вслед Николай Авдеич. — А два часа назад я видел его в пивной...

«Как, кап, кап...» — капала в раковину вода.

Саша и Петя стояли на кухне.

— Вот и все, — сказал Петя. — Круг замкнулся.

— Это очень далеко — Арктика? — спросила Саша.

— На самой макушке глобуса.

— А что такое ледовая разведка?

— Долго объяснять. Уже нет времени.

— Пойдем в комнату.

— Нет. Пускай все здесь. На этой кухне.

Как нарочно. Будто мы расстаемся с юностью и утрачиваем что-то дорогое, что жило в нас... Тогда, помнишь, мы тоже прощались на кухне и тоже впереди была неизвестность...

Они посмотрели друг на друга и вспомнили об одном и том же.

— Вот так, — сказал Петя. — Должно быть, больше мы не увидимся.

— Почему? — Она почувствовала, как часто-часто забилось сердце. — У тебя что, дурное предчувствие?

— Нет. Никакого предчувствия у меня нет. Но так будет лучше.

— Не понимаю.

— Брось, все ты отличнейшим образом понимаешь. — Он повернул голову в сторону и смотрел, как из носика крана капает в раковину вода, — может быть, именно сейчас ты мне дороже, чем когда-либо, потому что уже не осталось никакой надежды и ты потеряна навсегда...

— Не надо про это, Петя.

— Нет, надо, — упрямо отрезал он. — Это наш последний разговор, и я хочу, чтобы ты все знала... — Петя сделал паузу, как бы ища необходимую фразу. — Словом, спасибо тебе за то, что ты живешь на земле, Саша...

— Можно подумать, что ты исповедуешься, — тихо произнесла она.

— Думай как хочешь... — Он снова сделал паузу. — Ты одна... Это ты сделала меня лучше... Если бы не ты, я не стал бы летчиком и не готовился к тому, что должен совершил...

Наступило молчание.

— Ты не договариваешь до конца.

— А зачем? Разве не ясно?

Он поправил фуражку.

— Прощай. — Петя задержал ее руку в своей. — Помнишь, тогда я уносил с собой детскую иллюзию, мне казалось, что ты меня любишь... Теперь у меня нет ничего. Но это даже лучше. Не за что хвататься, и ничто не останавливает тебя, когда ты идешь к цели.

Он отпустил ее руку и, повернувшись, открыл дверь.

— Постой, — сказала Саша.

Она приподнялась на цыпочках и, обвив руками его шею, крепко поцеловала в губы.

— Ну вот. Теперь все.

Вошел Алексей.

— Он завтра летит, — сказала Саша. — На Диксон. Совсем. И я поцеловала его. Ты не ревнуешь?

— Нет, не ревную. — Алексей посмотрел на Петю. — А не выпить ли нам сейчас за удачу?

— Он уже уходит, — сказала Саша. — Возвращаться плохая примета.

— Да, — согласился Алексей. Он опять посмотрел на Петю. — Кто-то из троих непременно уходит, тут уж ничего не поделаешь.

— Правильно.

Петя переступил порог и обернулся.

— Всего хорошего.

За Петей закрылась дверь...

...Саша и Люся вешали белье.

— Поздравляю! — крикнул им через весь двор возвращающийся со службы Николай Авдеич. — Поздравляю! Дожили наконец! Ваш благоверный валяется возле пивной в самом скотском виде! Черт знает что!

Прямо как была, в халатике, в шлепанцах на босу ногу, Саша бежала по улице...

Это была та самая арка, где они когда-то, во время войны, целовались с Алексеем. Теперь он стоял пьяный, опершись спиной о стену, и мутными глазами смотрел на нее.

— А!.. Сашка... — сказал он, и ему стало стыдно за свой вид. — Зачем ты пришла?.. Я пьян... Уходи...

Она не двинулась с места.

— Ну, что смотришь?.. Не узнаешь?.. — и, усмехнувшись, добавил: — Многие перестали узнавать... Алексей Астахов... Бывший летчик... А ныне...

— Неправда! — перебила она. — Ты сам не знаешь, что говоришь... Ты просто пьян...

— Не веришь?.. Когда я врал, ты верила... А говорю правду — не веришь... И никто не верит... Правде... Вот так... А ты думала, я летаю?.. Летаю... Заправляюсь в пивной — и мордой об стол... И вся моя работа...

Саша заплакала.

Алексей посмотрел на нее и сразу весь как-то обмяк...

— Саша, — сказал он ласково, — не

плач... Ну, не надо, маленькая... Я знаю, ты любишь меня... Ты меня ждала, долго ждала... — и, помолчав, добавил: — Вот и дождалась...

Он беспомощно топтался возле нее... Он не знал, чем ее утешить, и от ощущения собственного бессилия в нем начала закипать злоба.

— Ну что я могу поделать? Я ходил, добивался... Стыдно... Стыдно же, Сашка... И тебе врал от стыда... Думал, уладится... Ни черта уже не уладится... Конец... Сегодня пришел... Товарищ... вместе летали... обрадовался... Говорю: вернулся... Вот он я — весь тут... Хочу летать... Ничего не умею, кроме этого... А он: «Конечно... Но ведь ты был в плену...» Да, я был в плену... Виноват!.. Виноват в том, что меня сбили... Виноват в том, что полумертвого взяли в плен... Виноват, что бежал, а меня поймали и собаки рвали на мне мясо... Виноват, что не подох с голоду, что меня не пристрелили, не сожгли в печи... Виноват! Виноват! Виноват! Виноват! Простите!..

— Не слушай их, — горячо шептала Саша, прижимая к себе Егорку. — Твой папа не пьяница... Он хороший... Он воевал, он герой... Просто его больно обидели... Но ничего... Сталин узнает, и все будет хорошо...

— А Сталин знает нашего папу? — спросил мальчик.

— Знает, сынок... Когда папа воевал, и потом, в плену, Сталин всегда был с ним...

В самые трудные минуты он приходил к нему на помощь, и сейчас он не оставит...

— И папа снова будет летать? — с надеждой спросил Егорка.

— Эй, летчик! Давай на посадку! Жена пришла!

Саша и рыжеволосая девушка стояли у подножия рельсового крана. Был обеденный перерыв, и в руках девушка держала кружку.

Из будки появилась тяжелая, грузная фигура Алексея. Он стал медленно спускаться вниз. Подошла еще одна девушка, тоже с кружкой и бутылкой молока.

— Ничего себе ученик! — подмигнула она. — Мне бы такого! Уж я бы его обучила.

— Этому его и Сашка обучит, — заметила рыжеволосая.

Алексей спрыгнул на землю. Саша дала ему бутерброд. Они сели на какую-то балку, и он медленно и сосредоточенно начал есть...

— Привет рабочему классу! — воскликнул проходящий мимо Сережка и приподнял кепочку, сдвинутую на глаза.

— Эй, Львов, поди сюда! — крикнула ему рыжеволосая девушка.

Сережка остановился.

— Чего, гранаточка?

— Членские взносы уплатил?

— Как часы!

— Ты мне тут не улыбайся! На собрании будешь?

— Рад бы, но времени... — Сережка провел пальцами по горлу.

— Я тебя официально предупреждаю!
— Ладно.

Вторая девушка смотрела на Алексея. Лицо его было сумрачным.

— Волнуешься? — спросила Саша.

Алексей пожал плечами.

Девушка все так же смотрела на Алексея.

— Хорош мужик, — тихо вздохнула она. — Эх, я бы его любила.

Часы показывали шесть. Они висели в заводском коридоре.

Коридор был длинным, пустым. У двери с табличкой «Партбюро» сидел на скамье Алексей.

Прислонившись к стене, возле него стояла Саша.

Дверь приоткрылась, и оттуда показалась сияющая физиономия молоденькой парнишки.

— Порядок! — выдохнул он, прикрывая за собой дверь, и шумно опустился рядом с Алексеем.

— Приняли? — спросила Саша.

— А как же! — воскликнул он. — Не был, не состоял, не участвовал, не привлекался! А ты тоже вступать?

Астахов промолчал. Вместо него ответила Саша.

— Он восстанавливаться. Он уже был в партии.

— Ну, это проще!

Дверь снова приоткрылась.

— Астахов, заходи, — пригласили оттуда.

Саша лёгонько коснулась плеча Алексея. Глаза ее сочувственно улыбнулись ему.

Алексей встал. Бросил папиросу в угол и загасил ее сапогом. Потом по привычке поправил ремень, одернул свою солдатскую гимнастерку и взялся за ручку двери. Саша пошла за ним.

В комнате непропорционально громадная, от пола до потолка, стояла гипсовая фигура Сталина.

Алексей подошел к столу. Саша остановилась возле двери.

Воцарилось неловкое молчание.

— Так что вот какие дела, — медленно произнес председательствующий. — Мы тут обменялись с товарищами и не сочли, понимаешь... — Он сделал паузу и вздохнул. — Одним словом, решили воздержаться.

Саша смотрела на Алексея. Рука его потянулась к вороту, расстегнула пуговицу.

— Понятно, — кивнул он.

— Вот и хорошо, что тебе понятно, — ожидался председательствующий.

— Можно идти? — спросил Алексей.

Председательствующий кивнул. Сидящие за столом сосредоточенно просматривали какие-то бумаги.

Алексей повернулся и медленно пошел к двери.

Дверь за ним захлопнулась. Снова наступила тишина.

— Переходим к следующему вопросу, — сказал председательствующий. — Львова, ты можешь быть свободна.

Все обернулись к ней.

— Постойте... Как же это так можно? — Саша сделала шаг к столу. — Ведь вы даже толком не выслушали его...

— Слушай, Львова, — перебил ее председательствующий, — все понимают твои чувства... Но ты в первую очередь — жена.

— Я тоже член партии, — тихо сказала она.

— Член партии, а поступаешь не по-партийному. Вот твое поручительство. — Председательствующий помахал какой-то бумажкой. — Ты поступила принципиально?

— Может быть, прекратим, товарищи? — предложил кто-то.

— Погоди, — запротестовал председательствующий, — нужно, чтобы она поняла. Вот ответь, что ты знаешь о нем?

— Все. Он мой муж.

— Это мы тоже знаем. А когда, если не секрет, вы познакомились?

— В начале войны. Но я его знала и раньше.

Все заулыбались.

— А сколько же тебе было тогда лет?

— Семнадцать, — ответила Саша.

— А сейчас? — Наступила пауза. — Вот видишь, — примирительно произнес председательствующий, — а коммунист, между прочим, должен взвешивать свои заявления, ты это учи. Откуда тебе известно, как этот человек вел себя в плену?

— Известно.

— Откуда?

— Он рассказывал...

— Мало ли что можно рассказывать!

— Товарищи, — встал один из присутствующих, — давайте кончим этот беспредметный спор. Саша, ты меня знаешь. Я не бюрократ. Но я голосовал против. Почему? Пожалуйста. По многим причинам. Во-первых, он сдался в плен...

— Он не сдавался! Его сбили! Он был без сознания!

— А чем это можно доказать?

Наступило молчание.

— Доказать это нечем, — ответил он сам себе, — а мы не имеем права верить на честное слово. Теперь, во-вторых, коммунистов, как известно, расстреливали в плену. Почему же немцы его не расстреляли?

— Вы... Вы... Что он говорит?!

— Да замолчи ты! Что ты болтаешь!

— А ты не горячись, не горячись, дело серьезное. Тут ошибаться нельзя. В-третьих, как он сам говорит, он работал на немецком аэродроме. Так или не так?

— Так, — согласилась Саша.

— Иными словами, сотрудничал с немцами?

— Это же все неправда! — воскликнула Саша. — Он хотел оттуда бежать.

— Почему же не бежал?

— Но вы же знаете!

— Вот то-то и оно, что не знаем. И ты не знаешь. И многое еще не знаешь. Потому что тебе не положено знать. Понятно? Вот ступай домой и подумай.

...Саша бежала по заводскому коридору. Алексея тут не было. Где-то в конце коридора уборщица мела пол.

— Тетя Нюша, — подбежала к ней Саша, — не видела Астахова?

— Да вроде бы нет.

...Саша бежала по ночным улицам. Остановилась перед дверью пивной. На двери висела табличка «Закрыто». Женщина в клеенчатом переднике вытирала тряпкой мраморную стойку.

...Саша бежала по ночному бульвару. Бульвар был пуст. По аллее медленно прохаживался милиционер. На скамейке ворковала какая-то влюбленная пара.

...Саша бежала по набережной. По крутой деревянной лестнице спустилась с обрыва к Волге. Мигая сигнальными огоньками, маленький катерок лениво толкал по реке огромную баржу. Алексея нигде не было.

...И опять она шла по улице. Шаг ее становился все медленнее и медленнее. Пересекла привокзальную площадь... Прошлась по пустому перрону. И уже отчаявшись найти Алексея, побрела без цели по шпалам.

Она шла и смотрела себе под ноги, а шпальты мелькали — одна, другая, третья...

И вдруг где-то далеко она увидела знакомую фигуру. Он стоял на насыпи, спиной к ней, сунув руки в карманы.

— Алеша... — Она хотела крикнуть, но не хватило дыхания и получился лишь шепот. — Алеша! — вырвался из ее груди страшный крик, и, уже не видя ничего перед собой, кро-

ме этой одинокой фигуры, она бросилась ему навстречу.

Он обернулся, но все так же продолжал стоять, не вынимая рук из карманов.

Она добежала до него, уткнулась лбом в его грудь и разрыдалась.

И в этот момент, вырвавшись из-за поворота и оглушив их грохотом, над ними проносился поезд.

Обняв Алексея и прижавшись к нему, Саша расширенными от ужаса глазами смотрела на мелькающие колеса...

Поезд прошел. Стук колес замолк где-то в границах станции, и наступила тишина.

Алексей сидел, подперев подбородок.

— Я не должен был возвращаться к тебе, — сказал Алексей. — Ты стала в тысячу раз несчастнее, чем была.

— Нет, Алеша, я счастлива! — сдерживая слезы, воскликнула Саша.

— И Егорка, — продолжал Алексей. — Он так смотрит на меня.

— Он гордится тобой.

— Не надо врать самим себе... Всем нам очень плохо.

— Ничего, Алексей, мы будем бороться, — произнесла она неуверенно.

— С кем? На войне было ясно: там были враги.

— Но ты же прав! Ты же прав, — повторила она.

— Я прав, а все кругом виноваты? — Она грустно усмехнулся. — Так не бывает.

— А в чем же ты виноват?

— Я сдался в плен, — сказал Алексей и встал.

— Ты был без сознания.

— Это я так говорю, сознание я потерял потом... — Он тяжело вздохнул. — Был момент, когда я мог еще застрелиться... Но я хотел пить... Понимаешь, просто пить... Доползу, думаю, до ручья, попью и потом... Я мог, мог, мог, Сашка! Как все сейчас было ясно и просто!

— Ты не смеешь так говорить, — в отчаянии крикнула она. — А я? Как же я?! Как же Егорка?!

— Я искалечил вам жизнь, — спокойно сказал он.

— Неправда! Ты не виноват! — запротестовала она.

— Тогда кто? Кто виноват?
Наступило молчание.

— Не знаю. Но ты не виноват, — повторила она. — Ты боролся. Ты хотел бежать. Ты был коммунистом во всем.

— У меня нет доказательств.

— Но там же были люди! Они могут подтвердить.

— А где их теперь найдешь? И потом — они тоже были в плену. Нет, это все не так просто. Ведь и там были предатели, провокаторы, я же знаю! Нет! Нельзя винить никого... Все правильно, и нельзя винить никого... — произнес он убежденно. — Лес рубят — щепки летят.

— Неправда! — крикнула Саша.

— Идет великая борьба, — продолжал Астахов как бы в ответ своим мыслям. — И не важно, если один, другой, десятый, сотый пострадают невинно... И не нужно жалеть никого... Даже себя, ради этой великой цели...

— ...Слова, слова! Наслушался я этих красивых слов! Вот они у меня где! — Сережка сделал выразительный жест и отвернулся.

Они стояли втроем посреди строительной площадки: Саша, Сережка и Алексей.

Была ветреная, осенняя ночь... Вдали мелькало пламя электросварки. Где-то близко грохотал по рельсам кран.

— Это не красивые слова. Меня волнует, как ты живешь. Все тебе не нравится. Все тебя не устраивает. Кроме танцев.

— Танцы тоже не устраивают, — уточнил Сережка, — но там по крайней мере никто не читает мне морали. Понятно? Привет!..

Сережка вскинул лопату на плечо и, снятая разговор оконченным, двинул в темноту. Под ногами у него чавкала грязь.

— А ну стой! — дернул его за рукав Алексей.

— Ну, стою. — Он тяжело опустил лопату. — Чего, может, по морде съездишь? Валяй. А то ведь некому.

— А ты не паясничай! — обрезал его Алексей. — В твои годы...

— Вот-вот... — перебил Сережка. — Сейчас скажешь, что я Зимний не брал и в Отечественной не участвовал? Ну не брал! Ну не участвовал! Что дальше?

— А то, что ты иждивенец!

— А я, между прочим, работаю не хуже тебя! И норму свою выполняю...

— Норму... А чем ты живешь? Что тебе дорого? К чему ты стремишься? Что ты ненавидишь? Ведь кроме нормы есть еще цель... идеал, справедливость!.. Об этом ты думал?

— Думал! — Сережка придвинулся вплотную к нему. — А где она — твоя справедливость? А? Вон Авдеич мне читает мораль — о коммунизме, о фронте, о героизме... А сам рус! Люська кричит, что это он меня спас... А у меня отец убит на фронте! Так это мой отец меня спас и Авдеича тоже... — К горлу Сережки подкатил ком, на глазах его закипели слезы. — Или ты, например, — продолжал он. — Я на горшок ходил, когда ты самолеты уже испытывал... Ты с немцами воевал, в лагерях сидел... Я ведь гордился тобой... Я мечтал быть таким, как Астахов... А что получается? Ты ученик, и я ученик... И зарплата у нас одинаковая! Так где же твоя справедливость? А?

— Сергей, замолчи! Это подло! — бросилась между ними, крикнула Саша.

— Подло молчать! — отстраняя ее, крикнул Сережка.

Они снова стояли лицом к лицу с Астаховым.

— Знаешь, что я тебе скажу, сопляк, — произнес Алексей медленно и членораздельно, — того, что я хлебнул в жизни, хватило бы сотню таких, как ты... И сейчас мне не сладко... Но если бы мне пришлось начать

жизнь сначала, я бы ее прожил так же... Для тебя коммунизм — красивое слово, а я им жил и живу...

— Да, я знаю, ты настоящий коммунист, — согласился Сергей. — Ты коммунист, — повторил он. — Так почему ж ты не в партии?

— Значит, так нужно.

— Кому? — крикнул Сергей. — Кому?!

— Серёгей, перестань! — в отчаянии закричала Саша.

— Нет, я спрашиваю, кому? — бросал он в лицо Астахову. — Ей?! Мне?! Егорке?! Партии? Или, может быть, власти, за которую ты воевал?!

— Замолчи! Я убью тебя! — Астахов схватил Сережку за грудь и в бессильной ярости отшвырнул от себя.

Сережка упал. Поднялся, отирая с лица грязь.

— Эх, вы — правдолюбы! — бросил он и, прихрамывая, пошел в темноту...

— Ну что ты, Алеша, ведь он же мальчишка, дурак, сам не знает, что говорит.

Саша и Алексей снова сидели в комнате. И снова была ночь...

— И потом, не сердись. — Саша обняла Алексея. — Но во многом он прав.

— Он прав! — Алексей встал и началходить по комнате. — Он лучше, он честнее нас!.. Нет, что же это такое в самом деле? Что мы время сами себе? В чем мы боимся себе при-

наться? Разве мы усомнились в партии? В правоте нашего дела? Что же такое?

— Это какой-то кошмар... — прошептала Саша.

— Лес рубят — щепки летят... — горестно произнес Алексей. — Кто это выдумал?.. Кто выдумал, что человеческая жизнь не в счет? Что бдительность — это всеобщая подозрительность? Партия?

Алексей подошел к окну и стал барабанить пальцами по стеклу.

— Я знаю, что я сделаю... — после долгого молчания решительно сказал он. — Сегодня же тром я еду в Москву. Я буду сидеть там месяца, два, полгода, но я добьюсь, чтобы разобрали мое дело. И не только мое. Я не один... Я расскажу, что я пережил, перечувствовал, передумал... Я скажу: если нужна моя жизнь, я отдаю ее людям... Но я солдат, а не кертва... Я человек, черт возьми! И мне нужна правда!

В дверь постучали. В комнату вбежал Сережка. Он был бледен, руки у него дрожали.

— Саша... — срывающимся голосом произнес он. — Саша... Умер Сталин...

Саша вскрикнула и закусила кулак. С лица Алексея медленно сползла краска. Он тяжело пустился на кровать и обхватил голову руками...

Казалось, все кончено и жизнь на земле становится...

Но наутро все так же встало солнце. Одно время года сменилось другим, и точно в положенный срок выбился из-под снега первый

ручей, за ним — другой, третий... Наступила весна.

На скованной холодным панцирем реке образовалась трещина, вздыбились льдины, и вот, увлекая за собой всю грязь и мусор, двинулся по реке ледоход...

Нет, жизнь не остановилась из-за того, что из нее ушел один человек... Жизнь продолжалась...

...Саша мыла посуду. Зазвонил звонок.

В дверях стоял Митя. На нем был отлично сшитый костюм и тонкая сорочка с расстегнутым воротом.

— Не ждали? — широко улыбаясь, спросил он.

— Уф! Даже дух захватило! — призналась Саша.

— А у меня! — подмигнул он. — Люблю сваливаться как снег на голову. Ну, давайте здороваться.

— Ой, у меня мокрые, — воскликнула она, показывая свои руки.

— А у меня грязные. — Он взял ее руку и легонько пожал. — Задело, понимаете, что-то там в карбюраторе. Вы, случайно, не автомобилистка?

— Только случайно, — улыбаясь, покачала головой Саша.

— Считайте, что вам повезло, — он огляделся по сторонам. — А что, если я вымою руки?

— Попробуйте, — снова улыбнулась Саша, протягивая ему мыло,

Он отвернул кран и стал сосредоточенно тереть руки.

— А тут должна была стоять скамейка, — помнил он.

— Ее сожгли в печке, — сказала Саша.

— Понятно, — улыбнулся он. — А в остальном все по-старому. Вещи, они не меняются. Еюемся только мы.

— А вы находите, что я очень?

— Но, разумеется, к лучшему. Они рассмеялись.

— Что же я держу вас на кухне! — спохватилась Саша. — Идемте в комнату.

— Нет-нет, — запротестовал Митя. — В моем распоряжении три минуты, и тут же обично. Верите, ну ни черта не успеваю! Вы знаете, Саша... Простите, ничего, что я называю вас просто Сашей?

— Ужасно! — рассмеялась она. — Вы даже представляете, как я счастлива вас снова видеть!

— А я! — воскликнул он. — Ну, как вы тут живете? — спросил он и вдруг покраснел.

— Да как вам сказать... По-всякому.

— Это слишком неопределенно.

— Ну, нет... А в общем хорошо. — Она молчала. — А вы, Митя?

— Тоже не жалуюсь. Работаю.

— Где?

— В одном институте. Ну что за память!

— Я забыл название! — Он улыбнулся и поклонился плечами. — Физика... Честно говоря, мне

— В любви? — лукаво спросила Саша.

— Что? — не понял он. — А... — и смущался. — Я имел в виду в целом. Хотя бы сегодня — вот вижу вас... Вы знаете, ведь я же по делу. Помните, в госпитале я дал вам тетрадку?

— Помню, — кивнула Саша.

— Конечно же, она затерялась, да?

— Почему? Она у меня.

— Нет, погодите, вы это серьезно?

— Вполне. Принести? — И Саша вышла из кухни.

Она возвратилась с Митиной тетрадкой в руках. Он буквально выхватил ее и, присев на табуретку, стал жадно листать страницы.

— Ах, какая удача! — приговаривал он. — Вы даже представить не можете, какая же это удача! Я вспомнил о ней недавно... Тут все чепуха и муть, — говорил он, листая тетрадь, — и это тоже, и это... Вот! Вот, чего мне недоставало!.. Вот!.. Ах, как же все это кстати! Нет! Отныне я ваш должник по гроб жизни. Можете располагать мною, как вам угодно!

— С удовольствием! Для начала, пожалуйста, отдайте мне полотенце, вы сидите на нем.

— Чем же таким вас одарить? — Митя расстегнул тугой желтый портфель и извлек оттуда объемистую книгу в переплете. — Жаль, правда, лондонское издание, трудно читать, впрочем, какая разница, вы бы и по русски не стали дальше первой страницы. Важен сам факт. А он налицо. Это моя книга.

Митя достал самописку и стал сочинять дарственную надпись.

— Саша, ты не знаешь, куда провалилась щетка? — спросила из комнаты Люся.

— Тут, — ответила Саша.

Потом послышались шаги. Саша видела, как изменилось лицо у Мити, как он смотрел за дверь, в которой вот-вот должна была появиться Люся.

Она вошла, держа в руках брюки Николая Авдеича.

Некоторое мгновение они с Митей молчали, прибавила частицу «те».

«Кап, кап, кап» — капала в раковину вода.

— Здравствуй... — сказала Люся и, помедлив, прибавила частицу «те».

— Здравствуйте, — ответил Митя. — Заскок, понимаете, на секунду. Уже надо бежать. Не еще добираться и добираться. Ну, вот... — Наступила пауза. — Стало быть, до свидания. Еще раз спасибо вам, Сашенька.

Он неловко откланялся и вышел.

— Он приезжал за своей тетрадкой, — сказала после паузы Саша.

— А... — равнодушно произнесла Люся и дошла к кухонному столу. — А это что?

— Это его книга. На английском языке. Наступило молчание.

— Он что-нибудь рассказывал о себе? — спросила Люся.

— Так, ничего особенного.

— Где же в конце концов эта щетка? Люся взяла щетку и направилась к двери. И вдруг в самых дверях плечи ее вздрогнули, и, прислонившись к косяку, она разрыдалась...

И опять шло время...

Саша и Алексей лежали в постели. Алексей в последний раз затянулся и сунул окурок в пепельницу, которая стояла на стуле.

— У тебя что-нибудь случилось? — осторожно спросила Саша.

— Нет, ничего. Спи.

— Ну скажи, что произошло?.. Я же видел... — Она приподнялась на локтях и заглянула ему в лицо.

— Ничего особенного, — сказал Алексей. — Меня опять вызывают.

— Зачем? — встревожилась она.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Все, что можно было сказать, я сказал полгода назад... Неужели опять все сначала?

— Ну что ты! — возразила она. — Сейчас не те времена... Может быть, это к лучшему?

— Ты неисправимая оптимистка, — сказал он и тяжело вздохнул.

Они вместе подошли к серому многоэтажному зданию. У подъезда стояло несколько машин. Двое военных поднялись по гранитным ступеням и скрылись за тяжелой дубовой дверью.

Саша и Алексей остановились.

— Пойду, — сказал он.

Она спрятала голову у него на груди, и он неловко поцеловал ее в шапочку. Потом осторожно отстранил и направился к дубовой двери.

— Я буду ждать тебя! — крикнула она.

Он не обернулся.

...Была весна, но мороз еще держался. Глаза поблескивали ледком, и изо рта вышел пар.

Постукивая каблучками по звонкому асфальту, Саша прохаживалась взад и вперед перед подъездом с дубовой дверью.

Постепенно стало темнеть, и день сменился вечером. В окнах зажегся свет.

Саша совсем окоченела. Она старательно вышла на свои ладошки, как в ту далекую военную зиму, когда где-то посеяла варежки.

Ходила взад и вперед и смотрела на дубовую дверь... Сколько прошло часов, она не знала. Ей казалось, что прошла уже вечность...

В здание входили, из него выходили, но все это были чужие люди.

Вот вышел военный в погонах старшего сержанта... За ним появился Алексей... За Алексеем следовал еще один военный...

Сердце у Саши сжалось... Но военные, бойдя Алексея, двинулись своей дорогой.

А он остался стоять на гранитных ступенях.

Саша подбежала к нему. Казалось, он ее заметил.

— Алеша! — позвала она. — Что с тобой, леша?

Алексей протянул сжатую в кулак руку и медленно разжал пальцы.

На ладони лежала Золотая Звезда...

Лицо его было сурово и неподвижно.

Глаза не выражали ничего...

...Прорезая молочные облака, несется се-
ребристая птица со стреловидными крыльями...

Самолет срывается в пике, выравнивается
и делает круг над аэродромом...

Командный пункт. Ведущий инженер го-
ворит в микрофон:

— Освободить третью и вторую посадоч-
ные полосы! Семьдесят третий, приготовьтесь
к приему самолета!

...Самолет заходит на посадку. Колеса его
касаются бетона... Он несется по бетонной по-
лосе, все замедляя и замедляя свой бег, и на-
конец останавливается.

Летчик откидывает фонарь и стаскивает с
себя кислородную маску. Теперь мы видим
его лицо. Это Астахов.

...Шоссе перед аэродромом.

Саша направляется к машине. Шофер об-
гоняет ее и открывает дверцу.

— Спасибо, — говорит Саша и садится.

Дверца захлопывается.

— На аэродром? — спрашивает шофер.

— В город, пожалуйста, домой. Я не
очень задержала вас?

— Нет. Всего десять минут.

Машина разворачивается и начинает уда-
ляться. Она все уменьшается и уменьшается
пока не исчезает из виду.

Кадры из фильма

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По сценарию Даниила Яковлевича Храбровицкого «ЧИСТОЕ НЕБО» третьим творческим объединением киностудии «Мосфильм» в 1961 году поставлен фильм того же названия.

Фильм «Чистое небо» получил следующие премии: на II Московском международном кинофестивале в Москве вместе с японским фильмом «Голый остров» — Большой приз фестиваля; на фестивале в Сан-Франциско приз «Золотые ворота»; на IV Международном смотре фестивалей в Мехико приз «Золотая голова Паленке». На ежегодном конкурсе журнала «Советский экран» фильму присужден диплом.

Режиссер-постановщик — Г. Чухрай. Оператор — С. Полуянов. Художник — Б. Немечек. Композитор — М. Зив. Звукооператор — Л. Булгаков. Комбинированные съемки: оператор — В. Рылач; художник — А. Клименко.

Роли исполняют:

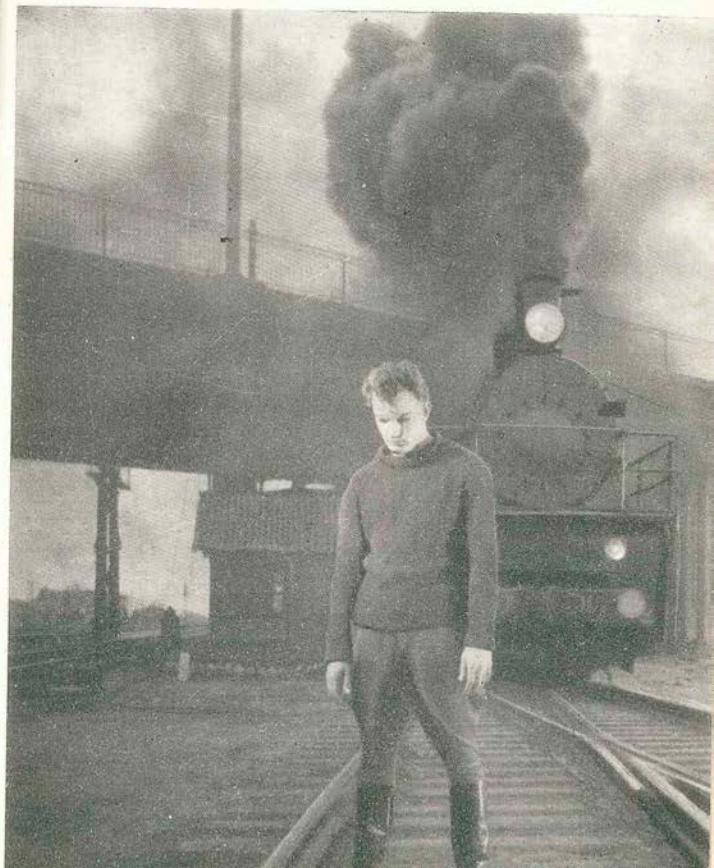
Саша Львова — Н. Дробышева; Алексей Астахов — Е. Урбанский; Люся — Н. Кузьмина; Петя — В. Коняев; Митя — Г. Куликов; Иван Ильич — Л. Князев; Николай Авдеевич, муж Люси, — Г. Георгиу; Сергей, брат Саши и Люси, — О. Табаков; он же в детстве — Алик Крылов; Егорка, сын Саши, — Виталик Бондарев.

В эпизодах: В. Александрушин, В. Аниско, К. Барташевич, А. Дубов, П. Кирюткин, Т. Носова, Н. Хрящиков.

Даниил Яковлевич Храбровицкий
ЧИСТОЕ НЕБО

Редактор *А. Г. Назарова*
Оформление художника *Г. К. Александрова*
Художественный редактор *Г. В. Дмитриев*
Технический редактор *Р. П. Бачек*
Корректор *Б. М. Северина*

Сдано в набор 12/X 1962 г. Подп. в печ. 11/XII 1962 г.
Форм. бум. 70×90 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 4 (условных 4,68)
Уч.-изд. л. 4,34. Тираж 13000 экз.
Изд. № 15469. Зак. № 759. Цена 24 коп.
«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25
Московская типография № 8 Управления
полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

